

Виталий Рудинов

Тени над бездной

КНИГА 2

Серия книг: Восхождение из Бездны

Виталий Рудинов

Тени над Бездной

«Автор»

2025

Рудинов В. В.

Тени над Бездной / В. В. Рудинов — «Автор», 2025

Тьма сгущается над крепостью, чьи чёрные шпили вонзаются в кроваво-красное небо. Алексей, владыка этого мрачного мира, правит железной рукой, его меч покрыт шрамами битв, а разум — тяжестью власти. Он не боится врагов, но на этот раз ему предстоит столкнуться с Орденом «Света Пепла» — фанатиками, несущими очищающий огонь и проклятия. Единственная, кто может удержать его от бездны, — демоница с алыми глазами и тенью, скрывающей тайны. Она — его союзник, его искушение, его единственный свет среди разрушений. Но когда древняя сила пробуждается в недрах земли, угрожая уничтожить их мир, Алексей вынужден сделать выбор: сразиться с врагами или пасть перед собственной судьбой. Где кончается тьма и начинается истинная власть? Смогут ли они удержать свою крепость... и друг друга? Темное фэнтези с атмосферой власти, войны и неизбежного притяжения.

© Рудинов В. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Книга 2	6
Глава 2: Первые искры (2917 слов)	9
Глава 3: Столкновение у стен	12
Глава 4: Осада начинается	15
Глава 5: Тайна пепла	18
Глава 6: Глубины шепчут	22
Глава 7: Сердце в руках	26
Глава 8: Маска предателя	30
Глава 9: Кровь на песке (4376 слов)	34
Глава 10: Раненое сердце (2917 слов)	38
Глава 11: Эхо древности	41
Глава 12: Ночной штурм (4375 слов)	45
Глава 13: Тропа в горы (8750 слов)	48
Глава 14: Алтарь крови	51
Глава 15: Разрушение бездны	56
Глава 16: Дорога домой	60
Глава 17: Мертвецы на севере	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виталий Рудинов

Тени над Бездной

Серия книг: Восхождение из бездны

Книга 2

Глава 1: Тень на закате

Крепость возвышалась над равниной, её чёрные шпили вонзались в закатное небо, словно когти зверя, готового к прыжку. В тронном зале, где стены из обсидиана отражали свет факелов, Алексей стоял у своего трона, вырезанного из кости древнего чудовища. Его взгляд, острый, как лезвие, был прикован к Демонице, что стояла у стрельчатого окна. Золотой свет заливал её фигуру, играя на алых глазах, в которых плясали искры силы. Её чёрные волосы струились по плечам, мягкие, как тень, но с намёком на скрытую мощь. Она повернулась к нему, и уголок её губ дрогнул в лёгкой улыбке. Алексей почувствовал, как тепло разливается в его груди – редкое, почти забытое чувство после месяцев битв и крови. Этот миг покоя был их сокровищем, вырванным у хаоса их мира.

Он шагнул ближе, его тяжёлые сапоги глухо стучали по каменному полу. Доспехи, покрытые шрамами от когтей и клинков, тихо звенели при каждом движении. Демоница склонила голову, её взгляд скользнул по нему, оценивая, но не с вызовом, а с чем-то мягким, почти ласковым. Алексей остановился в шаге от неё, вдыхая её запах – смесь металла, дыма и чего-то неуловимо дикого. "Ты выглядишь, будто собрался на войну прямо сейчас," – сказала она, её голос был низким, с лёгкой хрипотцой, от которой по его спине пробежала дрожь. Он усмехнулся: "С тобой рядом война никогда не заканчивается." Её улыбка стала шире, и в этот момент он понял, что ради таких мгновений готов сражаться вечно.

Они стояли у трона, массивного и мрачного, символа их власти над этим миром теней и костей. Алексей провёл рукой по подлокотнику, ощущая холод камня под пальцами. "Нам нужно больше земель," – сказал он, его голос был твёрд, но в нём сквозила задумчивость. – "Равнины на востоке богаты, там можно построить новые башни." Демоница скрестила руки, её когти блеснули в свете факелов. "Грандиозные идеи, владыка," – ответила она, и в её тоне мелькнула насмешка. – "Ты уже видишь себя на троне над всем лабиринтом?" Он хмыкнул, глядя на неё с притворным укором. "А ты против? Может, мне поставить трон для каждого монстра в крепости?"

Её смех был лёгким, как звон стекла, и таким редким, что Алексей замер, впитывая этот звук. Она шагнула к нему, протянув руку, и её пальцы коснулись его ладони. Её кожа была тёплой, несмотря на холод зала, и это прикосновение заставило его сердце биться чуть быстрее. "Если каждый монстр получит трон, где будет мой?" – спросила она, прищутив глаза. Он поймал её руку, сжав её с лёгкой силой. "Рядом с моим," – ответил он тихо, и её взгляд смягчился. Они говорили о планах, о союзах с тенями и о том, как укрепить их империю, но в эти минуты слова были лишь фоном для их молчаливого единства. Её смех всё ещё эхом звучал в его голове, напоминая, что даже в этом мире она – его свет.

Тишина зала вдруг разорвалась резким порывом ветра. Сквозняк ворвался через окно, принес с собой запах хвои и чего-то далёкого, едкого – словно дым пожаров, тлеющих за горизонтом. Занавеси из чёрного шелка заколыхались, факелы на стенах затрещали, бросая пляшущие тени на пол. Алексей нахмурился, его рука инстинктивно легла на рукоять меча, висящего у пояса. Он шагнул к окну, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Небо над равниной кровоточило красным, но что-то в этом закате было неправильным – слишком тяжёлым, слишком зловещим.

Демоница напряглась, её улыбка исчезла, словно стёртая невидимой рукой. Она подошла к нему, её шаги были бесшумны, как у хищника. "Ты тоже это чувствуешь?" – спросила она, её голос стал серьёзным, почти холодным. Алексей кивнул, не отрывая глаз от горизонта. Ветер усилился, завыл в щелях стен, и запах дыма стал отчётливее. "Это не просто буря," – сказал он, его тон был мрачен. – "Что-то идёт." Она молчала, но её рука сжала копьё, прислонённое к стене. Они оба знали: этот ветер – предвестник, и он нёс с собой беду, которой не избежать.

Из тени у трона возникла фигура – хамелеон-ловкач, их лучший разведчик. Его чешуя переливалась в полумраке, то сливаясь с камнем, то вспыхивая зелёным. Он скользнул ближе, его движения были резкими, почти судорожными. "Владыка," – прошипел он, его голос был похож на шелест листьев, смешанный с треском угля. – "Белые плащи идут. Орден 'Света Пепла'. Три дня пути." Алексей резко повернулся, его глаза сузились. Демоница шагнула вперёд, её когти слегка царапнули пол, но она молчала, ожидая подробностей.

Хамелеон опустился ниже, его длинный язык мелькнул в воздухе, словно пробуя его на вкус. "Они несут знамёна с пепельным крестом. Костры горят в их лагере, мечи сверкают. Их много." Алексей сжал подлокотник трона так, что кость под его пальцами скрипнула. Орден "Света Пепла" – фанатики, одержимые идеей очистить мир от "грязи", как они называли их государство. Он знал их силу, их магию, их ненависть. Демоница посмотрела на него, её алые глаза были неподвижны, но в них читалась тревога. "Сколько?" – спросила она, её голос был резким, как удар хлыста. Хамелеон склонил голову. "Сотни. Может, больше." Алексей выдохнул, его разум уже просчитывал варианты. Враг был близко, и время покоя кончилось.

Алексей закрыл глаза, вызывая "Сверхчувство" – дар, что достался ему от "Высшего разума". Его сознание вырвалось за пределы крепости, пронеслось над равниной, словно тень ястреба. Он видел мир иначе: цвета меркли, звуки становились острыми, а тепло живых существ светилось, как угли в ночи. Его взгляд пронзил стены, миновал леса и холмы, пока не остановился на далёких отблесках костров. Там, в трёх днях пути, двигались силуэты в белых плащах. Их мечи блестели в свете огня, знамёна с пепельным крестом трепетали на ветру. Он видел их лица – суровые, искажённые верой, их руки, сжимавшие оружие с почти религиозным рвением.

Демоница подошла ближе, её присутствие было как тёплый поток в холоде его видения. Она не говорила, но её взгляд требовал ответа. Алексей открыл глаза, возвращаясь в зал, и встретил её взор. "Они идут за нами," – сказал он тихо, но твёрдо. – "Их лагерь уже гудит, как улей перед атакой." Она кивнула, её лицо оставалось спокойным, но пальцы сжали копьё сильнее. Её вера в него была непоколебима, и это доверие давало ему силы. Он знал: она ждёт его решения, и от этого выбора зависит их будущее.

В его голове зазвучал "Высший разум" – древний спутник, чей голос был холоден и глубок, как бездна. "Орден силён," – прошептал он, и слова отдавались эхом в черепе Алексея. – "Фанатики, владеющие светлой магией. Их миссия – уничтожить твоё государство монстров. Они не остановятся." Алексей стиснул зубы, чувствуя, как информация оседает в его сознании, тяжёлая, как камень. Он повернулся к демонице, её глаза встретили его, и он передал ей слова разума: "Они не просто воины. Их магия – угроза, которой мы ещё не видели."

Её лицо помрачнело, но она не дрогнула. "Светлая магия," – повторила она, её голос стал ниже, почти рычащим. – "Они думают, что могут сжечь нас своим сиянием?" В её словах был вызов, но и тень тревоги. Алексей кивнул. "Они верят в это. И у них есть сила, чтобы попытаться." "Высший разум" добавил: "Их цель – твой трон, твоё государство, твоё будущее." Алексей сжал кулаки, его когти впились в ладони. Он не позволит этому случиться. Не теперь, когда у него есть она, их дом, их империя.

Демоница выпрямилась, её копьё звякнуло о пол, и её голос зазвенел, как сталь: "Генералы! На совет!" Она шагнула к центру зала, её тёмный плащ заколыхался, словно крылья. Алексей смотрел на неё, чувствуя, как гордость смешивается с решимостью. Она повернулась к нему, и на мгновение их пальцы сплелись – короткий, но крепкий жест, полный поддержки. Её кожа была горячее, её пульс бился в такт его собственному. Это было их единство, их сила.

"Мы не будем ждать," – сказал он, его голос был твёрд, как удар молота. – "Укрепим оборону и встретим их на равнине. Они не дойдут до стен." Демоница кивнула, её глаза вспыхнули. "Первая кровь будет их," – добавила она, и в её тоне была мрачная уверенность. Они знали, что орден не остановится, но и они не сдадутся. Генералы уже собирались в зале – костяной бык, минотавр, тенекрыл – их рычание и шаги наполнили воздух. Алексей и демоница обменялись взглядами, их решение было принято. Они будут сражаться вместе, как всегда.

Ночь опустилась на крепость, звёзды сияли над равниной, холодные и далёкие. Алексей и демоница стояли у того же окна, где начался их вечер. Ветер утих, но его тревожный шёпот всё ещё витал в воздухе. Её волосы касались его щеки, мягкие и прохладные, и он вдохнул её запах, пытаясь удержать этот момент. Она смотрела на звёзды, её лицо было задумчивым. "Помнишь, как мы начинали?" – спросила она тихо. – "Слабее, чем сейчас, с кучкой теней и старой пещерой вместо дома."

Он кивнул, его рука легла на её талию, притягивая её ближе. "Мы выстояли тогда. Выстоим и теперь." Её взгляд смягчился, и она повернулась к нему, её пальцы скользнули по его груди, останавливаясь над сердцем. "Я знаю," – сказала она, и её голос был почти шёпотом. Они молчали, но их связь говорила громче слов. Её тепло было как свет в этой ночи, полной тревоги, и он чувствовал, как оно проникает в него, разгоняя тени страха. Они стояли так долго, глядя на звёзды, и каждый знал: что бы ни пришло, они встретят это вместе.

Алексей повернулся к ней, его лицо было суровым, но голос – тихим, почти нежным. "Этот дом – наш," – сказал он, и каждое слово падало, как камень в бездну. – "И я не дам его разрушить." Она посмотрела на него, её алые глаза блеснули в темноте, и лёгкая улыбка тронула её губы. "Я знаю," – ответила она, и в её голосе была непоколебимая вера. Она кивнула, её когти слегка царапнули его доспех, но это было ласковое прикосновение, полное силы.

Он положил руку на её плечо, чувствуя её тепло через ткань плаща. "Мы защитим друг друга," – добавил он, и это была их клятва, выкованная в огне их прошлого и настоящего. Её улыбка стала шире, и она наклонилась ближе, её дыхание коснулось его лица. "Всегда," – прошептала она. Они стояли так, лицом к лицу, пока звёзды смотрели на них сверху, свидетели их обещания. Закат давно угас, но тень, что он принёс, не сломит их. Их любовь, их империя, их воля – всё это было их щитом, и они не отдадут его никому.

Глава 2: Первые искры (2917 слов)

Рассвет пришёл к крепости тихо, словно крадущийся зверь, окутанный пеленой белёсого тумана. Алексей шагал вдоль внешних стен, его сапоги хрустели по тонкому слою инея, что покрывал чёрный камень. Холод пробирался под доспехи, но он не замечал его, сосредоточив взгляд на башнях, что высились над равниной, как стражи из древних легенд. Туман клубился вокруг, глуша звуки, и в этой тишине каждый шорох казался громче, каждый скрип – предостережением. Рядом шла демоница, её тёмный плащ развевался за спиной, открывая изящные изгибы её брони, выкованной из теней и стали. Её шаги были мягкими, почти бесшумными, но её присутствие ощущалось как тёплый поток в этом ледяном утре.

Они остановились у северной башни, где ветер гудел в щелях, словно оплакивая что-то давно забытое. Алексей взглянул на неё, поймав её алый взгляд, и уголок его губ дрогнул в слабой улыбке. "Ты выглядишь, будто ждёшь битвы прямо сейчас," – сказал он, его голос был низким, с лёгкой хрипотцой от утреннего холода. Она склонила голову, её чёрные волосы упали на плечо, и ответила: "А ты – будто уже победил в ней." Их взгляды пересеклись, короткие, но полные молчаливого понимания. Они проверяли стены, башни, укрепления – их дом, выстроенный кровью и волей, – и это утро было их последним шансом убедиться, что он готов к тому, что грядёт. Туман скрывал горизонт, но оба знали: враг уже близко, и искры войны тлеют где-то там, за белой завесой.

Они спустились к основанию стены, где тени становились гуще, а воздух пах сыростью и землёй. Внезапно из мрака выскользнула серая тень – вожак крыс, их шустрый соглядатай. Его шерсть была всклокочена, глаза блестели, как угольки, а когти оставляли мелкие царапины на камне. Он замер перед Алексеем, подняв морду, и его голос, тонкий и скрипящий, разрезал тишину: "Они разбили лагерь у холмов, владыка. Факелы горят в ночи, их сотни." Алексей выпрямился, его лицо окаменело, словно высеченное из гранита. Он чувствовал, как напряжение сжимает его грудь, но не показал этого, лишь кивнул крысу, ожидая продолжения.

Демоница наклонилась ближе, её плащ зашуршал, и её дыхание согрело холодный воздух. "Где точно?" – спросила она, её тон был резким, требовательным. Крыса склонила голову, её усы дрогнули. "За вторым хребтом, у старой реки. Их сталь звенит, их голоса молятся." Алексей выдохнул, пар от его дыхания смешался с туманом. Он представил себе этот лагерь: белые плащи, освещённые огнём, мечи, отточенные для их крови, и молитвы, что звучат как проклятия. Демоница выпрямилась, её когти сжались в кулак, и она посмотрела на него. "Три дня," – сказала она тихо, повторяя слова хамелеона от прошлой ночи. – "Может, меньше." Он кивнул, его разум уже строил планы, а сердце билось ровно, готовое к тому, что неизбежно.

Алексей поднял взгляд к вершине башни, где теневой дракон свернулся в клубок, его чешуя блестела, как чёрное стекло, отражая слабый свет утра. Он свистнул, звук был резким и высоким, и зверь встрепенулся, расправляя крылья, что казались сотканными из ночного неба. С глухим рёвом дракон сорвался с башни, его когти царапнули камень, оставляя глубокие борозды, и взмыл в воздух. Туман разрезался его крыльями, вихри закручивались в белёсой мгле, и Алексей следил за ним, пока тот не стал тёмным пятном на фоне серого неба.

Демоница стояла рядом, её глаза сузились, наблюдая за полётом. "Он найдёт их," – прошептала она, и в её голосе была уверенность, смешанная с тревогой. Алексей кивнул, его рука легла на рукоять меча, пальцы сжали её, словно ища опору. Дракон кружил над равниной, его тень скользила по земле, и вскоре он вернулся, опустившись перед ними с тяжёлым хлопком крыльев. Его пасть раскрылась, выпуская клуб дыма, и он рыкнул, низко и протяжно. "Дым и сталь," – перевёл Алексей, понимая этот звук. – "Они там." Демоница посмотрела на него, её

губы сжались в тонкую линию. Туман рассеивался, открывая горизонт, и где-то там уже тлели первые искры войны, что скоро вспыхнут в пламя.

В тронном зале собрались генералы, их присутствие наполнило воздух звоном доспехов и низким гулом голосов. Костяной бык стоял у стены, его массивная фигура отбрасывала тень, что закрывала половину зала. Он рывкнул, ударив копытом по полу, и камни задрожали: "Ворота надо укрепить! Башни поднять выше!" Его голос был как раскат грома, полный силы и ярости. Минотавр, прислонившийся к колонне, кивнул, точя свой огромный топор о точильный камень. Искры сыпались на пол, и он добавил: "И стены. Пусть попробуют пробить." Его глаза горели, готовые к бою.

Алексей стоял у трона, слушая их, его руки были сложены за спиной, а взгляд скользил по каждому из собравшихся. Демоница шагнула вперёд, её копьё звякнуло о пол, и она заговорила: "Ловушки. На равнине, у подходов. Они не дойдут до стен, если мы их заманим." Её голос был холоден, но в нём звенела сталь, и генералы замолчали, внимая ей. Алексей кивнул, его разум соединял их предложения в единый план. "Укрепим ворота и башни," – сказал он, его тон был твёрд, как удар молота. – "Но ловушки – наш первый удар. Они не ждут этого." Генералы зарычали в согласии, их голоса слились в общий гул, и зал наполнился энергией подготовки. Алексей и демоница обменялись взглядами – их план рождался здесь, в этом совете силы, и он станет их щитом.

Совет закончился, генералы разошлись, оставив их вдвоём в тронном зале. Алексей отдавал последние приказы, его голос гудел, как далёкий гром, уверенный и властный. Демоница смотрела на него, прислонившись к колонне, её копьё лежало у её ног. Её алые глаза блестели, и в них было что-то новое – гордость, глубокая и тёплая. Она шагнула к нему, её движения были плавными, как у кошки, и остановилась так близко, что он почувствовал жар её тела сквозь доспехи.

"Ты рождён для этого," – прошептала она, её голос был мягким, но полным силы. Алексей замер, глядя на неё, и тепло её слов разлилось по его груди, как искра, что греет душу перед боем. Он протянул руку, коснувшись её щеки, его пальцы скользнули по её коже, ощущая её гладкость и скрытую мощь. "Только с тобой рядом," – ответил он тихо, и её улыбка стала шире, обнажая острые клыки. Она наклонилась ближе, её дыхание коснулось его губ, и в этот миг он понял: её вера в него – это то, что делает его непобедимым. Они стояли так, замерев в тишине зала, и их связь была сильнее любых стен, что они могли построить.

Алексей отошёл к столу, где лежала карта равнины, вырезанная на коже какого-то зверя. Он указал на узкий проход между холмами, его коготь оставил лёгкую царапину на поверхности. "Здесь," – сказал он, его голос был твёрд, как удар клинка. – "Мы ударим первыми. Засада на равнине, пока они не подошли к стенам." Генералы, всё ещё стоявшие у входа, зарычали в согласии, их глаза загорелись предвкушением. Костяной бык стукнул копытом, минотавр поднял топор, а тенекрыл расправил крылья, готовый лететь.

Демоница подошла к столу, её рука легла рядом с его, и она кивнула. "Они будут идти строем, уверенные в своей силе," – сказала она, её тон был холоден и расчётлив. – "Мы разобьём их там, где они не ждут." Она сжала рукоять копья, её когти блеснули, и Алексей почувствовал, как его кровь закипает от её решимости. "Тенекрыл, разведка," – приказал он, и крылатый зверь сорвался с места, исчезнув в тенях. "Остальные – готовьте ловушки и отряды." Генералы разошлись, их шаги гудели по залу, а Алексей посмотрел на демоницу. Их план был готов, и теперь они ждали лишь ночи, чтобы нанести удар.

Перед уходом демоница остановилась у выхода, её взгляд нашёл его в полумраке зала. Она шагнула к нему, её рука поднялась, и пальцы поправили край его плаща, задержавшись на его плече. Её прикосновение было тёплым, мягким, и Алексей замер, чувствуя, как этот жест проникает глубже, чем любая броня. "Вернись ко мне," – сказала она, её голос был тихим, но в нём звенела надежда, смешанная с любовью. Она улыбнулась, и её клыки блеснули в свете факелов, но в её глазах была только нежность.

Он поймал её руку, сжав её с лёгкой силой, и кивнул. "Всегда," – ответил он, и его голос был твёрд, как клятва. Это был их ритуал – маленький момент перед битвой, когда они напоминали друг другу, ради чего сражаются. Она отступила, её плащ заколыхался, и вышла из зала, оставив за собой тепло её прикосновения. Алексей смотрел ей вслед, чувствуя, как её слова оседают в его сердце, как угли, что будут гореть в ночи. Он повернулся к карте, его разум уже был в бою, но её улыбка осталась с ним, как свет в тенях.

Ночь упала на крепость, чёрная и густая, как смола. Алексей стоял у окна тронного зала, глядя на равнину, где звёзды тонули в остатках тумана. Он закрыл глаза, вызывая "Сверхчувство", и его сознание рванулось вперёд, сквозь стены, над землёй, к лагерю ордена. Он видел их: отблески факелов, что плясали на белых плащах, звон доспехов, шёпот молитв, что поднимался к небу, как дым. Их лагерь был живым, пульсирующим, готовым к маршу, и Алексей чувствовал их ненависть, их веру, что жгла их изнутри.

Демоница вошла в зал, её шаги были бесшумны, но он ощутил её присутствие ещё до того, как она остановилась рядом. Она не говорила, лишь стояла, её тепло разгоняло холод его видения. Он открыл глаза, встретив её взгляд, и сказал: "Они молятся. Готовятся." Она кивнула, её лицо было суровым, но спокойным. "Пусть молятся," – ответила она, её голос был холоден, как сталь. – "Им это не поможет." Её присутствие успокаивало его, как якорь в шторме, и он знал: с ней рядом он готов к любому врагу, что придёт из этой ночи.

Алексей повернулся к ней, его взгляд был твёрд, как камень, а голос – как удар клинка: "Я не дам им тронуть наш дом." Он шагнул ближе, его рука легла на её плечо, и он почувствовал, как её мышцы напряглись под его пальцами, готовые к бою. Она посмотрела на него, её алые глаза сияли решимостью, и кивнула. "Мы не дадим," – сказала она, её тон был таким же непреклонным, как его собственный. Они стояли лицом к лицу, их дыхание смешивалось в холодном воздухе, и в этот момент их воля стала единой, как сталь, выкованная в огне.

Он сжал её плечо сильнее, затем отпустил, отступив к окну. "Завтра мы ударим," – добавил он, глядя на равнину, где тлели искры вражеских костров. Демоница подошла ближе, её копьё звякнуло о пол, и она сказала: "Их свет погаснет первым." Её слова были обещанием, их общим щитом против врага, что уже шёл к их стенам. Они знали, что битва близко, но их любовь и решимость были сильнее любой магии, что орден мог бросить против них. Ночь молчала, но их стальная воля гудела в тишине, готовая встретить бурю.

Глава 3: Столкновение у стен

Ночь накрыла крепость густым чёрным покрывалом, звёзды тонули в облаках, а ветер был, словно раненый зверь, забираясь в щели каменных стен. Алексей стоял в тронном зале, его когтистая рука сжимала подлокотник трона, а взгляд был устремлён в пустоту, где тени факелов плясали на обсидиановом полу. Тишина была тяжёлой, почти осязаемой, пока её не разорвал резкий крик, донёсшийся из коридора. Дверь распахнулась с грохотом, и в зал влетел Тенекрыл, разведчик с крыльями тьмы, его перья топорщились, а глаза горели жёлтым огнём. "Враг близко!" – выкрикнул он, его голос был хриплым, как скрежет когтей по камню. – "Патруль под ударом!"

Алексей резко встал, его доспехи звякнули, отражая свет факелов, и он шагнул вперёд, чувствуя, как кровь закипает в жилах. Демоница, стоявшая у окна, обернулась, её алые глаза вспыхнули, и она мгновенно схватила копьё, прислонённое к стене. Её движения были быстрыми, точными, как у хищника, почуявшего добычу. "Где?" – спросила она, её голос был холоден и остр, как лезвие. Тенекрыл расправил крылья, заполнив зал их шуршащим звуком. "У западной тропы, в миле от стен. Они напали внезапно." Алексей стиснул зубы, его разум уже рисовал карту местности, а сердце билось в такт нарастающей тревоге. Демоница шагнула к нему, её лицо было суровым, но в её взгляде мелькнула тень беспокойства. Ночь ожила звуками войны, и их покой окончательно рухнул под этим зовом.

Алексей бросился к окну, его тяжёлые шаги гудели по полу, и он вгляделся в темноту за стенами. Демоница последовала за ним, её плащ развевался, как тень, и она встала рядом, её плечо почти касалось его. Сквозь мрак они увидели их – белые плащи ордена "Света Пепла", что двигались к крепости, подобно призракам, вырвавшимся из бездны. Грохот копыт их коней поднимал облака пыли, видимые даже в слабом свете луны, что пробивалась сквозь тучи. Факелы в руках всадников горели ярко, бросая отблески на их доспехи, и Алексей насчитал десятки – сорок, может, пятьдесят фигур, мчащихся с единственной целью: разрушить их дом.

Он сжал кулак, чувствуя, как когти впиваются в ладонь, и повернулся к демонице. Её лицо было неподвижно, но её рука сжала его предплечье, её пульс бился быстро, в такт его собственному гневу. "Они осмелились," – прорычал он, его голос был низким, полным ярости, что клочкотала внутри, как буря. Она кивнула, её когти слегка царапнули его кожу сквозь ткань, и ответила: "И пожалеют." Грохот копыт становился громче, ближе, и каждый удар копыт по земле отдавался в их груди, как барабанный ритм войны. Они стояли вместе, их взгляды были прикованы к врагу, и в этот момент их единство стало их первой линией обороны.

Небо вдруг ожило резким свистом – лучники ордена выпустили залп, и стрелы, словно стая хищных птиц, устремились к Тенекрылу, что всё ещё кружил над двором. Первая стрела пронеслась мимо, вторая царапнула его крыло, оставив рваную полосу на чёрных перьях, и он издал яростный рёв, но удержался в воздухе, его когти рассекли ветер. Алексей стиснул зубы так сильно, что почувствовал вкус крови во рту, его глаза сузились, следя за траекторией стрел. "Они хотят сбить его," – сказал он, его голос был холоден, но в нём дрожала ярость.

Демоница шагнула к краю окна, её копьё блеснуло в свете факелов, и она прошептала: "Мы их остановим." Её слова были тихими, но полными силы, и они упали в его душу, как искры в сухую траву. Свист стрел повторился, ещё один залп взмыл в небо, и Тенекрыл увернулся, его крылья сложились в резком пике, уводя его из-под удара. Алексей выдохнул, его кулаки сжались сильнее, и он знал: это лишь начало. Орден тестировал их, проверял их реак-

цию, и каждая стрела была вызовом, на который они должны ответить. Демоница посмотрела на него, её взгляд был твёрд, и он понял: они не дадут врагу ни шанса.

Внизу, у ворот, земля задрожала от тяжёлых шагов, и из тени вырвался костяной бык – их генерал, чья мощь была легендой даже среди монстров крепости. Его рога, острые и широкие, как лезвия топоров, блестели в свете факелов, а костяная броня гудела при каждом движении. Он бросился вперёд, его рёв разорвал ночь, заглушая грохот копыт, и врезался в строй всадников ордена, что уже приблизились к стенам. Рога ударили в первого коня, ломая его грудь, и всадник рухнул с криком, исчезнув в пыли. Второй попытался увернуться, но бык развернулся, и его массивное плечо смяло врага, как сухую ветку.

Алексей наблюдал это с окна, его грудь вздымалась от гордости, смешанной с гневом. "Он их раздавит," – сказал он, его голос был полон мрачного удовлетворения. Демоница кивнула, её губы изогнулись в слабой улыбке, но её глаза оставались холодными. "Он наш щит," – ответила она, и её слова были пропитаны верой в их генерала. Бык ревел снова, его копыта выбивали искры из камней, и строй всадников дрогнул, их кони заржали, отступая под натиском. Кровь уже текла по земле, смешиваясь с пылью, и Алексей знал: это первая кровь этой ночи, но далеко не последняя.

Они покинули зал, их шаги гудели в коридорах, пока они поднимались на северную башню, откуда открывался вид на поле боя. Лестница скрипела под их весом, факелы на стенах бросали дрожащие тени, и холодный ветер хлестал их лица, когда они вышли на площадку. Демоница встала рядом, её рука легла на его плечо, тёплая и тяжёлая, как обещание. Алексей вгляделся вниз, где хаос уже разгорался: кровь блестела в свете факелов, огонь лизал траву там, где упали стрелы, а тени их воинов сражались с белыми плащами ордена.

Он видел, как костяной бык ломает ещё одного всадника, как Тенекрыл пикирует с неба, когтями разрывая доспехи, но видел и то, как враги перегруппировываются, их мечи сверкают в ночи. Демоница сжала его плечо сильнее, её дыхание было быстрым, но ровным. "Они не сдаются," – сказала она, её голос дрожал от напряжения. Алексей кивнул, его взгляд встретил её, и в её алых глазах он увидел смесь решимости и страха – не за себя, а за него, за их дом. Они стояли так, на краю башни, их связь проверялась в этом огне, и каждый знал: отступить – значит потерять всё.

В голове Алексея зазвучал "Высший разум", его голос был холоден и глубок, как бездна, что дала ему силу. "Жди их главного удара," – прошептал он, слова отдавались эхом в его черепе. – "Не трать силы сейчас." Алексей нахмурился, его когти впились в каменный парапет башни, оставляя глубокие царапины. Он понимал логику: орден пока испытывал их, посылая патрули, но настоящий штурм ещё впереди. Он повернулся к демонице, её волосы трепал ветер, и передал ей слова разума: "Это не их главная сила. Они готовят что-то большее."

Она нахмурилась, её брови сошлись, но кивнула. "Тогда мы ждём," – сказала она, её голос был твёрд, хоть и полон неохоты. – "Но я не дам им подойти ближе." Алексей кивнул в ответ, чувствуя, как её решимость подпитывает его собственную. "Высший разум" добавил: "Терпение – твой ключ. Их ошибка станет твоей победой." Алексей сжал её руку, что всё ещё лежала на его плече, и они оба знали: эта ночь – лишь начало, и их силы нужно беречь для того, что грядёт.

Небо озарилось чёрным пламенем, когда теневой дракон, вызванный их приказом, спикировал с высоты, его крылья разрезали воздух с гулким хлопком. Он пронёсся над всадниками ордена, его пасть раскрылась, и поток тёмного огня вырвался наружу, обрушиваясь на врагов, как река из бездны. Дым поднялся столбом, крики людей и ржание коней смешались в

хаотичный вой, и несколько белых плащей рухнули, их доспехи дымились, а плоть тлела под ударом пламени. Дракон взмыл вверх, его рёв прокатился над равниной, и враги дрогнули, их строй распался.

Алексей сжал кулак, его сердце билось быстрее от зрелища этой мощи. "Красиво," – прошептала демоница, её голос дрожал от восторга, и она наклонилась ближе к краю башни, её глаза сияли, отражая пламя. Он посмотрел на неё, чувствуя, как её восхищение заражает его, и кивнул. "Наш огонь сильнее их света," – сказал он, его тон был мрачен, но полон уверенности. Дракон сделал ещё один круг, его тень упала на поле, и крики врагов стихли, поглощённые дымом. Это была их сила, их ответ, и Алексей знал: орден запомнит этот удар.

Демоница повернулась к нему, её лицо было освещено отблесками огня внизу, но в её глазах мелькнула тревога, глубокая и острая, как нож. "Останься живым," – сказала она, её голос был тихим, почти умоляющим, и она шагнула ближе, её рука скользнула к его груди, касаясь холодной брони. – "Прошу." Алексей замер, чувствуя, как её слова врезаются в него, как стрелы, что только что свистели в ночи. Её пальцы дрожали, и он понял: она боится не за себя, а за него, за то, что эта война может отнять их друг у друга.

Он накрыл её руку своей, его когти слегка царапнули её кожу, и коснулся её щеки, ощущая тепло под своей ладонью. "Я останусь," – ответил он, его голос был твёрд, как клятва, и он наклонился, касаясь её лба своим. Это был их момент, короткий и хрупкий, перед бурей, что уже гудела внизу. Её дыхание смешалось с его, её глаза закрылись на миг, и он почувствовал, как её страх отступает, заменённый верой. Они стояли так, в тени башни, и их любовь была тем, что держало их в этом бою, сильнее любого огня или стали.

Алексей отступил к краю башни, его взгляд обжёг поле боя внизу, где костяной бык всё ещё рвал врагов, а дракон кружил над дымом. Он вдохнул холодный воздух, наполненный запахом крови и пепла, и его голос грянул над равниной, как раскат грома: "Держать стены любой ценой!" Его слова эхом отразились от камней, перекрывая рёв битвы, и воины внизу ответили рычанием, их оружие поднялось в знак согласия. Демоница встала рядом, её копьё блеснуло, и она улыбнулась ему, её клыки сверкнули в темноте.

"Они слышали," – сказала она, её голос был полон гордости, и она сжала его руку на мгновение, прежде чем отпустить. Алексей кивнул, его грудь вздымалась от силы этого момента. Его глас был их вызовом, их обещанием врагу: этот дом не падёт, эти стены не рухнут. Первое столкновение было их проверкой, и они выдержали её, но он знал, что это лишь начало. Они стояли вместе, глядя на поле, где тлели остатки врагов, и их связь была их самым мощным оружием в этой ночи.

Глава 4: Осада начинается

Рассвет окрасил небо багровым, но не солнце взошло над горизонтом, а огненные сферы, что с гудением неслись к крепости. Алексей стоял у главных ворот, его доспехи отражали злобный свет, а меч в руке дрожал от напряжения, словно предчувствуя кровь. Рядом демоница сжимала своё копьё, её чёрные волосы развевались на ветру, а алые глаза горели яростью. Она подняла взгляд к небу, её голос был резким, как удар клинка: "Они пришли за нами." Орден "Света Пепла" начал атаку, их маги в белых плащах выстроились на равнине, их руки пылали заклятиями, что рождали этот огненный кошмар. Алексей шагнул ближе к ней, его плечо коснулось её, и он ответил: "Пусть попробуют взять." Жар сфер лизнул воздух, их тени плясали на камнях, но они стояли непреклонно, как стражи своего дома. Вдалеке маги ордена пели гимн, их голоса смешивались с треском пламени, обещая разрушение. Алексей стиснул зубы, чувствуя, как её присутствие рядом зажигает в нём решимость. Это был их первый бой с магией ордена, и рассвет стал свидетелем их вызова.

Первая волна огня ударила в ворота, и крепость содрогнулась, как раненый зверь. Каменные плиты треснули, их края раскрошились в пыль, а щепки дерева разлетелись, шипя в воздухе. Алексей вцепился в рукоять меча, его взгляд метнулся к демонице, что стояла рядом, её копьё упёрлось в землю, словно якорь. Она стиснула древко так, что когти оставили борозды, её лицо застыло в суровой маске, но в глазах мелькнула тревога. "Держатся пока," – прохрипела она, перекрикивая гул осады. Пыль оседала на их доспехи, смешиваясь с потом, что стекал по вискам. Ворота скрипели под напором, их железные скобы гнулись, но не ломались. Алексей шагнул вперёд, его сапоги хрустнули по обломкам, и он крикнул стражам: "Укрепить балки!" Его голос эхом разнёсся над двором, где воины уже тащили брёвна, их лица были черны от сажи. Демоница подняла взгляд к башням, где лучники натягивали тетивы, их стрелы ждали приказа. Ещё одна сфера ударила в стену, и треск камня стал громче, как рёв умирающего великана. Она повернулась к нему, её дыхание сбилось: "Они не остановятся." Алексей кивнул, его рука невольно сжала её запястье, и он ответил: "Мы тоже." Их дом дрожал, но их воля была крепче.

Костяной бык вырвался из ворот с рёвом, что заглушил даже треск огня. Его рога, белые и острые, как клыки дракона, врезались в строй магов, что осмелились подойти ближе. Их белые плащи разлетелись в клочья, кровь брызнула на траву, а крики утонули в хаосе. Алексей наблюдал с высоты стены, его кулак сжался в гордости, и он крикнул: "Раздави их, старик!" Демоница стояла рядом, её губы сжались в тонкую линию, но глаза блестели одобрением. "Он наш меч," – сказала она, её голос был твёрд, как сталь. Бык топтал врагов, его копыта оставляли ямы в земле, а массивное тело двигалось с неудержимой яростью. Маги пытались отбиться, их заклятия вспыхивали, но пламя гасло под его напором, словно ветер перед скалой. Один из них поднял посох, и луч света ударил в бок быка, оставив дымящуюся рану, но зверь лишь взревел громче, бросившись на обидчика. Его рога пронзили мага, подняв тело в воздух, как трофей. Алексей кивнул, чувствуя, как сердце бьётся в такт этому штурму. Демоница добавила тихо: "Он не сдастся." Их генерал был их надеждой, их громом, и пока он держался, враг не мог пройти.

Огненная сфера сорвалась с неба, её жар опалил воздух, устремившись прямо к Алексею. Он рванулся в сторону, но демоница оказалась быстрее. Она шагнула вперёд, её тело закрыло его, и удар пришёлся в неё. Каменный осколок, отброшенный взрывом, врезался в её плечо,

пробив доспехи. Она охнула, пошатнувшись, но тут же выпрямилась, её лицо исказилось от боли. Алексей бросился к ней, его голос сорвался: "Зачем ты это сделала?!" Она слабо улыбнулась, её рука дрожала, сжимая копьё, и прохрипела: "Ты нужен нам живым." Кровь текла по её броне, алой струйкой стекая на землю, но она стояла, упрямо глядя на него. Он попытался поддержать её, но она оттолкнула его руку, её когти сверкнули в свете огня. "Я в порядке," – солгала она, её дыхание было тяжёлым, а глаза блестели от слёз, что она сдерживала. Осколок застрял в плече, но она не отступила, её тень упала на него, как щит. Алексей стиснул зубы, его сердце сжалось от её отваги, и он крикнул: "Докажи это в бою!" Её щит был не из стали, а из любви, и он знал, что она отдаст всё, чтобы он жил.

Новая волна огня хлынула к воротам, её рёв заглушил крики воинов. Алексей шагнул вперёд, его рука поднялась, и голубое сияние "Эфирного барьера" вспыхнуло перед ним. Пламя ударило в щит, рассыпавшись искрами, что шипели, падая на землю. Он чувствовал давление магии, его мышцы напряглись, но барьер держался, отражая жар. Демоница стояла рядом, её раненое плечо дрожало, но она смотрела на него с восхищением, её алые глаза сияли в отсветах. "Ты как буря," – прошептала она, её голос был слаб, но полон тепла. Алексей кивнул, его взгляд метнулся к ней, и он ответил: "Мы буря вместе." Он направил силу, расширяя щит, пока тот не накрыл часть стены, защищая лучников, что выпускали стрелы в ответ. Маги ордена отступили на шаг, их заклятия гасли перед его мощью. Её рука коснулась его спины, лёгкое касание, но оно дало ему силы, как глоток воздуха в дыму. "Эфирная защита" была их стеной, их ответом врагу, и он чувствовал, как её вера в него питает этот свет. Огонь стих, оставив лишь дым, и Алексей опустил руку, его грудь вздымалась от усталости, но он не сломался.

Среди грохота боя в голове Алексея зазвучал "Высший разум", его голос был ясным, как звон колокола: "Слабое место – левый фланг, их маги там." Он замер, переводя дыхание, и повернулся к демонице, что стояла рядом, опираясь на копьё. "Разум говорит: левый фланг," – сказал он, указывая на равнину, где белые плащи сгрудились у холма. Она нахмурилась, её брови сошлись, но затем кивнула, её голос был хриплым: "Ударь туда." Алексей махнул рукой, подзывая Тенекрыла, чьи крылья тьмы мелькнули в дыму. "Лучники, на левый фланг!" – крикнул он, его приказ эхом разнёсся по стене. Демоница добавила: "Дракон, прикрой их!" Её голос сорвался, но воины послушались, их стрелы уже летели к цели. Алексей смотрел, как тёмный силуэт дракона пикировал к холму, его пламя обрушилось на магов, чьи заклятия ослабли под натиском. "Высший разум" был их проводником, их тайным оружием, и он чувствовал, как её доверие к нему делает этот совет сильнее. Она пошатнулась, её рана давала о себе знать, но её взгляд оставался твёрдым. "Мы их ломаем," – прошептала она, и он кивнул, зная, что это их шанс.

Они спустились со стены, бросившись в гущу боя у ворот. Алексей взмахнул "Эфирным клинком", его голубое лезвие разрезало воздух, снося рыцаря ордена, что кинулся на него с мечом. Демоница двигалась рядом, её копьё мелькало, как тень, пронзая доспехи врагов. Их движения были слаженными, как танец, спина к спине, дыхание в унисон. Он чувствовал её тепло даже сквозь хаос, её шаги отдавались в его сердце. "Слева!" – крикнул он, и она развернулась, её копьё отбило копьё врага, что целился в него. Она ответила: "Справа!" – и он рубанул, снеся голову рыцарю, что подкрался к ней. Кровь заливала землю, крики врагов смешивались с рёвом ветра, но они двигались, как единое целое. Её раненое плечо кровоточило, но она не замедлялась, её когти сверкали, разрывая плащи. Алексей поймал её взгляд на миг, её глаза горели любовью и яростью, и он улыбнулся, несмотря на бой. Их танец был их силой, их вызовом, и враги падали под их натиском, отступая к равнине. "Мы их гоним!" – крикнула она, и он кивнул, его клинок вспыхнул ярче.

Орден дрогнул, их белые плащи мелькали в дыму, что стелился по полю. Маги отступали, их заклятия гасли, оставляя за собой тела и пепел. Алексей стоял у ворот, его грудь вздымалась, меч опустился к земле, а дым резал глаза. Демоница опёрлась на копьё, её рана сочилась кровью, но она держалась прямо, её взгляд следил за врагом, что уходил к горизонту. "Они бегут," – сказал он, его голос был хриплым от усталости, но полным облегчения. Она кивнула, её дыхание было тяжёлым, и она добавила: "Пока." Дым поднимался выше, скрывая равнину, а крики врагов стихали в отдалении. Воины крепости подняли оружие, их рёв победы разнёсся над стенами, но Алексей смотрел только на неё. Её волосы прилипли к лицу, её доспехи были покрыты сажей, но она казалась ему прекраснее, чем когда-либо. Он шагнул к ней, его рука коснулась её здорового плеча, и он прошептал: "Мы выстояли." Она улыбнулась, её когти ослабились, и это был их миг триумфа, пусть и временного.

Ночь опустилась на крепость, дым рассеялся, оставив запах гари и крови. Алексей и демоница стояли у разбитых ворот, глядя на звёзды, что пробивались сквозь тучи. Её плечо было перевязано, но она всё ещё сжимала копьё, её лицо омрачилось тревогой. "Это не конец," – прошептала она, её голос дрожал, как ветер над равниной. Алексей повернулся к ней, его рука нашла её, и он сжал её пальцы, чувствуя холод её кожи. "Что ты видишь?" – спросил он, его взгляд искал её глаза. Она вздохнула, её дыхание вырвалось паром в ночном воздухе, и сказала: "Они что-то прячут. Их сила... она растёт." Он нахмурился, его мысли метнулись к "Сердцу бездны", о котором шептались слухи. "Мы найдём его первыми," – ответил он, его голос был твёрд, как клятва. Она кивнула, её голова склонилась к его плечу, и он обнял её, чувствуя её дрожь. Их любовь была их бронёй, их светом в этой тьме, но её предчувствие гудело в его груди, как далёкий гром. Они знали: орден вернётся, и их бой только начался.

Глава 5: Тайна пепла

Тени дрожали в углах зала допросов, где свет факелов лизал холодные каменные стены, отбрасывая длинные, изломанные силуэты. Алексей стоял у железного стола, его доспехи тускло блестели в полумраке, а меч висел на поясе, словно молчаливый страж. Напротив него, закованный в цепи, дрожал пленный рыцарь ордена "Света Пепла". Его белый плащ был изорван, лицо покрыто сажей и кровью, а глаза, полные страха, метались между Алексеем и тенью, что медленно входила в зал. Дверь скрипнула, и демоница появилась на пороге, её шаги были мягкими, но уверенными, как поступь хищника. Её чёрные волосы струились по плечам, а алые глаза сверкнули в отсветах огня, когда она остановилась рядом с Алексеем. Её тень упала на пол, длинная и угрожающая, словно предвестник бури. Пленный сглотнул, его цепи звякнули, когда он попытался отодвинуться, но железо держало крепко. Алексей скрестил руки, его голос был низким, как далёкий гром: "Говори, что знаешь, или она вырвет правду из твоей души." Демоница не сказала ни слова, но её когти медленно вытянулись, поблёскивая в свете факелов, и это было красноречивее любых угроз. Зал дышал холодом, но напряжение между ними троими раскаляло воздух. Алексей чувствовал её присутствие рядом – твёрдое, как скала, и тёплое, как угли, что тлели в его сердце. Они были здесь вместе, чтобы узнать правду, и он знал: она не отступит, пока тайна не будет раскрыта.

Пленный рыцарь задрожал сильнее, его дыхание вырывалось короткими, хриплыми толчками, словно лёгкие отказывались служить ему. Он поднял голову, его губы шевельнулись, но сначала из горла вырвался лишь сиплый звук, похожий на стон умирающего зверя. Алексей шагнул ближе, его сапоги гулко стукнули по камню, и он повторил, холодно и твёрдо: "Говори." Демоница склонила голову, её когти слегка царапнули воздух, и этот звук заставил рыцаря вздрогнуть. Наконец он заговорил, его голос был слабым, но слова резали тишину, как нож: "Сердце бездно... ключ к хаосу. Оно в недрах." Его глаза расширились, словно он сам боялся того, что произнёс, а пальцы судорожно сжались в кулаки. Алексей нахмурился, его разум метнулся к слухам, что шептались среди теней – об артефакте, что мог сломать мир. Демоница шагнула вперёд, её тень накрыла пленника, и её голос, холодный, как лёд, прорезал зал: "Что оно делает?" Рыцарь сглотнул, его шея напряглась, и он прохрипел: "Оно... пробуждает тьму. Силу, что пожирает всё." Его слова повисли в воздухе, тяжёлые, как цепи на его запястьях. Алексей обменялся взглядом с демоницей – её лицо потемнело, кулак сжался так, что когти впились в ладонь, оставляя тонкие алые линии. Она знала больше, чем говорила, он чувствовал это в её молчании. "Где точно?" – рявкнул он, наклоняясь к пленнику. Тот задрожал, но выдавил: "Под крепостью... глубоко." Алексей выпрямился, его сердце забилось быстрее – тайна лежала под их ногами, и враг уже искал её. Демоница посмотрела на него, её глаза вспыхнули решимостью, и он понял: они не дадут ордену завладеть этой силой.

Демоница медленно подошла к пленнику, её шаги были почти бесшумны, но каждый из них отдавался в зале, как удар молота по наковальне. Её тень упала на рыцаря, длинная и зловещая, словно крылья ночи, и он съёжился под этим взглядом, его дыхание стало прерывистым. Она остановилась в шаге от него, её копьё, прислонённое к стене, осталось позади, но её когти были оружием сами по себе. "Где оно?" – спросила она, её голос был холоден, как зимний ветер, но в нём звенела сталь. Пленный задрожал, его губы затряслись, но он молчал, словно страх сковал его язык. Алексей наблюдал за ней, чувствуя, как её присутствие наполняет зал – не только угрозой, но и чем-то глубже, её тревогой, что скрывалась за суровой маской. Она наклонилась к рыцарю, её лицо оказалось так близко, что он мог видеть жилки в её алых глазах,

и прошептала: "Ты скажешь, или я вырежу ответ из твоей груди." Её когти поднялись, медленно, почти ласково проведя по воздуху у его горла, и он вскрикнул, отшатнувшись так резко, что цепи звякнули о камень. "Внизу... у старого храма!" – выдавил он, его голос сорвался в писк. Демоница выпрямилась, её тень отступила, но её взгляд остался на пленнике, острый, как лезвие. Она повернулась к Алексею, её лицо было суровым, но в глазах мелькнула тревога – не за себя, а за него, за их дом. "Он говорит правду," – сказала она тихо, и Алексей кивнул, чувствуя, как её сила и забота переплетаются в этом мгновении. Её тень была их щитом, и он знал: она пойдёт с ним до конца.

Тишина зала допросов разорвалась внезапным гулом в голове Алексея – "Высший разум" заговорил, его голос был ясным и глубоким, как эхо в пещере: "Сердце реально, его сила опасна." Алексей замер, его рука невольно сжала рукоять меча, а взгляд метнулся к демонице. Она стояла неподвижно, её глаза сузились, словно она тоже что-то почувствовала, хотя голос звучал только в его сознании. "Что он говорит?" – спросила она, её голос был резким, но в нём сквозила тревога. Алексей шагнул к ней, его дыхание сбилось, и он ответил: "Оно настоящее. И оно может нас уничтожить." Её лицо побледнело, но она быстро взяла себя в руки, её когти сжались в кулак, а глаза вспыхнули огнём. "Тогда мы найдём его первыми," – сказала она, её слова были как клятва, вырезанная в камне. "Высший разум" продолжал гудеть в его голове: "Орден знает путь. Они идут туда." Алексей стиснул зубы, его разум заполнился видениями – белые плащи, что крадутся в тенях, их руки, жаждущие силы "Сердца". Он посмотрел на демоницу, её решимость отражалась в его душе, и он кивнул: "Мы спустимся в недра." Она шагнула ближе, её рука легла на его плечо, тёплая и тяжёлая, и он почувствовал, как её вера в него питает его силы. "Эхо разума" было их проводником, их предупреждением, и они оба знали: время играло против них. Алексей повернулся к пленнику, его голос стал холоднее льда: "Если солгал, твоя смерть будет долгой." Но он уже знал – правда лежала внизу, и они должны её забрать.

Решение было принято в тот же миг – они спустятся в недра крепости, туда, где, по слухам, таилось "Сердце бездны". Алексей повернулся к выходу из зала, его шаги были быстрыми, но твёрдыми, как удары молота. Демоница следовала за ним, её копьё теперь висело за спиной, а глаза горели решимостью, что могла бы растопить сталь. Они вышли в главный зал, где факелы освещали высокие своды, и он крикнул, его голос эхом разнёсся по камням: "Готовьте отряд! Мы идём вниз!" Воины, что стояли у стен, тут же зашевелились, их доспехи звякнули, а лица застыли в суровой готовности. Демоница добавила, её голос был резким, как удар хлыста: "Тенекрыл, минотавр – с нами. Остальные держат стены." Алексей кивнул, чувствуя, как её слова дополняют его приказы, как их мысли сливаются в единый поток. Они подошли к массивной лестнице, что вела в глубины крепости – её ступени были выщерблены временем, а воздух пах сыростью и древним камнем. Он остановился у края, его рука легла на холодный поручень, и он посмотрел на неё: "Ты уверена?" Она улыбнулась, но в её улыбке была тень тревоги, и ответила: "Я иду туда, куда идёшь ты." Её слова ударили в его сердце, как молния, и он сжал её руку, чувствуя её пульс под пальцами. Путь вниз был их шансом опередить врага, и они оба знали: отступать нельзя. Лестница уходила во мрак, но их решимость освещала её ярче любого факела.

Зал ожил движением, когда отряд собрался у лестницы. Минотавр шагнул вперёд, его массивное тело сотрясало пол, а топор в его руках блестел, как осколок луны. Он ударил себя в грудь, его рёв был низким и грозным: "Я готов раздавить их кости!" Алексей кивнул, его взгляд скользнул к Тенекрылу, чьи крылья тьмы сложились за спиной, а когти царапнули камень, оставляя искры. "Я найду путь," – прорычал тот, его голос был хриплым, как шорох ветра в

пещерах. Демоница встала рядом с Алексеем, её копьё теперь было в руках, и она крикнула, её голос прорезал шум: "Мы идём первыми! За мной!" Её слова подхватили воины, их рёв поднялся к сводам, как волна, что бьёт о скалы. Алексей смотрел на них, чувствуя, как их верность и сила питают его собственную волю. Он поднял руку, призывая к тишине, и сказал: "Мы найдём "Сердце" и сломаем орден. Это наш дом, и он останется нашим." Его голос был твёрд, как гранит, и воины ответили криками, их оружие взлетело вверх, сверкая в свете факелов. Демоница повернулась к нему, её глаза блестели гордостью, и она добавила тихо, только для него: "Они идут за тобой. Как и я." Он кивнул, его сердце сжалось от её слов, и он шагнул к лестнице, ведя отряд за собой. Клич их силы эхом отдавался в стенах, и они знали: этот бой станет их легендой.

Перед спуском они вернулись к трону, чтобы взять последние припасы. Алексей стоял у массивного кресла, его рука лежала на подлокотнике, когда демоница внезапно шагнула к нему, её лицо было суровым. "Я иду с тобой," – сказала она, её голос звенел, как сталь, не терпя возражений. Он нахмурился, его брови сошлись, и он ответил: "Ты ранена. Останься здесь, держи крепость." Её глаза вспыхнули гневом, она стукнула копьём о пол, и звук эхом разнёсся по залу. "Я не останусь! Это наша битва, и я не буду ждать, пока ты вернёшься... или не вернёшься." Её голос дрогнул на последнем слове, и Алексей почувствовал, как её страх за него пробивает его броню. Он шагнул к ней, его рука сжала её плечо, и он сказал тихо: "Я не хочу тебя потерять." Она посмотрела ему в глаза, её когти расслабились, и она ответила: "А я не хочу потерять тебя. Мы сильнее вместе." Их взгляды столкнулись, как мечи в бою, но за этим гневом была любовь, что связывала их крепче любых цепей. Алексей вздохнул, его сопротивление сломалось под её упрямством, и он кивнул: "Тогда идём вместе." Она улыбнулась, её рука накрыла его, и напряжение между ними растаяло, уступив место их единству. Спор был окончен, но он сделал их сильнее – их любовь была их оружием, и они оба это знали. Трон остался позади, молчаливый свидетель их связи, а они повернулись к лестнице, готовые к битве.

Перед самым спуском Алексей остановился у края лестницы, его взгляд упал на демоницу, что проверяла своё копьё. Свет факелов играл на её лице, подчёркивая её острые черты и усталость в глазах. Он шагнул к ней, его рука дрожала, когда он коснулся её щеки, его пальцы были холодными от напряжения, но тёплыми от чувств. Она замерла, её взгляд поднялся к нему, и в её алых глазах мелькнула нежность, что она редко показывала другим. "Мы вернёмся," – сказал он тихо, его голос был мягким, как шёпот ветра. Она улыбнулась, её когти убрались, и она наклонилась ближе, её дыхание коснулось его губ. "Вместе до конца," – прошептала она, и её слова были как клятва, выжженная в его душе. Их губы встретились, мягко, но с силой, что могла бы сломать горы – это был их миг, их убежище перед тьмой, что ждала внизу. Он чувствовал её тепло, её пульс под пальцами, и это дало ему силы, которых не хватало даже "Высшему разуму". Она отстранилась, её рука задержалась на его груди, и она добавила: "Не смей умирать там." Он усмехнулся, его рука сжала её запястье, и он ответил: "Только если ты будешь рядом." Это была их нежность, их ритуал перед боем, и она сияла ярче любого света в этом холодном зале. Отряд ждал, но этот миг принадлежал только им, и они знали: их любовь была их бронёй против любой бездны.

Они стояли у лестницы, ведущей в недра, воздух дрожал от сырости и древнего холода, что поднимался снизу. Алексей сжал рукоять меча, его взгляд упал в темноту, где ступени терялись во мраке, словно уходя в бесконечность. Демоница стояла рядом, её копьё было готово, а волосы слегка шевелились от сквозняка, что тянулся из глубин. Она вдохнула, её грудь поднялась, и она сказала тихо: "Оно зовёт нас." Алексей кивнул, чувствуя, как что-то невидимое

тянет его вниз – не страх, а предчувствие, что там, внизу, их ждёт судьба. Он взял её руку, её кожа была холодной, но пальцы крепко сжали его, и он шагнул на первую ступень, его сапог хрустнул по камню. "Идём," – сказал он, его голос был твёрд, как клятва, и она последовала за ним, её шаги эхом отдавались в тишине. Отряд двинулся следом – минотавр тяжело ступал, его топор звякал о доспехи, Тенекрыл сложил крылья, готовый к тесноте туннелей. Воздух становился гуще, запах сырости смешивался с чем-то металлическим, древним, как сама бездна. Алексей чувствовал её присутствие рядом, её тепло в его руке, и это было единственным светом в этой тьме. "Зов бездны" гудел в их ушах, низкий, как рёв далёкого зверя, и они знали: их путь начался. Они шли вниз, их шаги сливались в единый ритм, их любовь и сила вели их к тайне, что ждала в глубинах, и они были готовы встретить её лицом к лицу.

Глава 6: Глубины шепчут

Лестница в недра крепости встретила их холодом, что пробирал до костей, словно дыхание древнего зверя, затаившегося в глубинах. Алексей шёл первым, его сапоги хрустели по инею, что покрывал выщербленные ступени, а меч на поясе слегка звякал, отражая ритм его шагов. За ним следовала демоница, её тёмный плащ развевался, как крылья ночи, а копьё в руках блестело в слабом свете факелов, что отряд нёс за собой. Стены вокруг были гладкими, словно отполированными временем, и покрыты тонким слоем льда, от которого их дыхание вырывалось белыми облачками. Алексей остановился на мгновение, его рука легла на холодный камень, и он почувствовал, как мороз кусает кожу даже сквозь перчатку. "Слишком тихо," – сказал он, его голос был низким, почти заглушённым гулом воздуха, что поднимался снизу. Демоница шагнула ближе, её алые глаза сузились, вглядываясь в темноту, и она ответила: "Тишина – это их уловка." Её слова были острыми, как лезвие, и он кивнул, ощущая её тревогу, что зеркалила его собственную. Минотавр, тяжело ступая позади, фыркнул, его горячее дыхание растопило иней на ближайшей стене, а Тенекрыл сложил крылья, готовый к тесноте туннелей. Алексей сжал рукоять меча, его взгляд упал вниз, где лестница терялась во мраке, и он шагнул дальше, ведя их в холодное сердце крепости. Демоница осталась рядом, её присутствие было тёплым маяком в этом ледяном аду, и он знал: они найдут "Сердце бездны", чего бы это ни стоило.

Спуск продолжался, и вскоре стены вокруг начали издавать звуки – низкие, гортанные шёпоты, что пробивались сквозь трещины в камне, словно голоса давно мёртвых стражей. Алексей замедлил шаг, его уши напряглись, ловя каждый отголосок, и он поднял руку, призывая отряд к тишине. Шёпоты были хаотичными, переплетались, как нити в рваном гобелене, и он не мог разобрать слов, но чувствовал их тяжесть, их предупреждение. Демоница остановилась рядом, её копьё слегка дрогнуло в руках, и она наклонила голову, прислушиваясь. "Это не просто ветер," – сказала она тихо, её голос был холодным, но в нём сквозила тревога, что она редко показывала. Алексей кивнул, его рука сжала её плечо, и он ответил: "Это стражи прошлого. Они знают, зачем мы здесь." Её глаза встретились с его, и в них мелькнула искра – не страха, а решимости, что могла бы расколоть эти стены. Минотавр зарычал, его топор ударил по камню, оставив глубокую зарубку, и он прорычал: "Пусть шепчут, я их заставлю замолчать!" Тенекрыл шикнул на него, его когти царапнули воздух, и он добавил: "Тише, или они нас услышат первыми." Алексей повернулся к лестнице, его "Сверхчувство" ожило, проникая в темноту, и он уловил слабые отголоски – не только шёпоты, но и что-то ещё, далёкое и живое. "Они близко," – сказал он, его голос стал твёрже, как сталь, и демоница кивнула, её когти вытянулись, готовые к бою. Гул стен был их первым врагом, их предупреждением, и они знали: каждый шаг вниз приближал их к схватке, что ждала в глубинах.

Тьма стучалась, и Алексей дал знак Тенекрылу разведать путь. Крылатый воин шагнул вперёд, его когти звякнули о камень, и он расправил крылья тьмы, что казались сотканными из самой ночи. "Я найду их," – прорычал он, его голос был хриплым, как шорох листьев в бурю, и он взмахнул крыльями, взлетая вниз по туннелю. Его фигура растворилась во мраке, оставив лишь эхо хлопков крыльев, что отражалось от стен. Алексей смотрел ему вслед, его рука сжала рукоять меча, а сердце билось в тревожном ритме. Демоница стояла рядом, её дыхание было ровным, но он чувствовал её напряжение в том, как она сжимала копьё. "Он вернётся," – сказала она тихо, её слова были как заклинание, что должно было прогнать сомнения. Алексей кивнул, но его взгляд остался прикован к темноте, где исчез Тенекрыл. Минуты тянулись,

холод пробирал их доспехи, и минотавр начал топтать ногой, его нетерпение гудело в воздухе. Наконец, слабый шорох донёсся снизу, и Тенекрыл вернулся, его крылья были слегка растрёпаны, а когти блестели от влаги. "Туннели узкие, но ведут к залу," – сказал он, его голос был напряжённым. "Там что-то шевелится – тени, не наши." Алексей нахмурился, его "Сверхчувство" подтвердило слова разведчика – слабые отголоски движения, холодные и чужие. Демоница шагнула ближе, её рука коснулась его локтя, и она добавила: "Мы идём дальше." Её вера в него была непоколебимой, и он кивнул, давая знак отряду двигаться. Разведка крыльев открыла путь, но также и угрозу, что ждала их впереди.

Туннель сузился, стены давили на плечи, и внезапно из мрака возникли фигуры – призрачные воины ордена "Света Пепла", их белые плащи мерцали, как призрачный свет, а мечи, сотканые из сияния, резали воздух. Они бросились на отряд с криками, что звучали, как вой ветра в пустыне. Алексей выхватил "Эфирный клинок", его лезвие вспыхнуло голубым огнём, и он встретил первого врага, разрубив его надвое – призрак растворился в дымке, оставив лишь холодный ветер. Демоница рванулась вперёд, её копьё пронзило второго воина, и его крик эхом разнёсся по туннелю, прежде чем он исчез. Их движения были слаженными, как танец, отточенный в боях – он рубил справа, она била слева, их спины почти соприкасались. Минотавр взревел, его топор расколол третьего призрака, а Тенекрыл метнулся вверх, когтями разрывая четвёртого. "Их слишком много!" – крикнул он, его крылья отбросили тень на стены. Алексей стиснул зубы, его клинок сверкал, отражая атаки, и он заметил, как призраки возникают из трещин в камне, словно порождённые самой бездной. Демоница отбросила одного врага ударом копья, её когти полоснули воздух, и она крикнула: "Держись ближе!" Он шагнул к ней, их дыхание смешалось в холодном воздухе, и они продолжали бой, их сила была единой стеной против теней. Призраки отступили на миг, но их глаза горели жаждой мести, и Алексей знал: это лишь начало.

Бой продолжался, и внезапно туннель сотряс рёв – Тенекрыл рухнул на землю, его левое крыло было пронзено призрачным копьём, что торчало из плоти, как осколок света. Его крик был полон боли, когти вцепились в камень, оставляя глубокие борозды. Алексей обернулся, его сердце сжалось, и он крикнул: "Держись!" Демоница бросилась к раненому, её копьё упало с лязгом, и она опустилась на колени рядом с ним, её руки дрожали, когда она коснулась крыла. "Вытащи его!" – рявкнул Тенекрыл, его голос сорвался в хрип, а кровь стекала на пол, шипя на холодном камне. Она сжала древко копья, её когти впились в дерево, и рванула его наружу – Тенекрыл взвыл, его тело содрогнулось, а кровь хлынула сильнее. Алексей рубил призраков, что пытались прорваться к ним, его "Эфирный клинок" пылал ярче, но его взгляд то и дело возвращался к ней. Она прижала ладонь к ране, её пальцы окрасились алым, и прошептала: "Ты не умрёшь здесь." Её голос дрожал, но в нём была сила, что могла бы удержать жизнь в умирающем. Минотавр встал перед ними щитом, его топор разрубал воздух, отгоняя врагов, и он прорычал: "Дайте мне их!" Алексей шагнул к демонице, его рука легла на её плечо, и он сказал: "Он выживет. Мы идём дальше." Она кивнула, её глаза блестели от гнева и тревоги, и подняла копьё, готовая продолжать. Раненый крик Тенекрыла был их первым ударом, но не последним, и они знали: бездна испытывала их на прочность.

Туннель дрогнул, и пол под демоницей треснул с резким хрустом – из-под камня вырвались шипы, чёрные и острые, как клыки зверя. Они метнулись к ней, сверкая в полумраке, и Алексей, не раздумывая, бросился вперёд. Его тело ударило в неё, оттолкнув в сторону, и шипы вонзились в его броню, пробив металл с визгом. Он рухнул на колени, кровь просочилась сквозь щели в доспехах, и он зарычал от боли, стиснув зубы. Демоница вскрикнула, её голос разорвал тишину: "Алексей!" Она подползла к нему, её руки обхватили его плечи, и её

когти в панике царапнули его броню. "Зачем ты..." – начала она, но он перебил её, его голос был хриплым, но твёрдым: "Ты жива. Это главное." Её глаза наполнились ужасом, она прижала ладонь к его ране, пытаясь остановить кровь, и её пальцы дрожали, оставляя алые следы на его доспехах. Минотавр шагнул к ним, его топор расколол шипы, что ещё торчали из пола, и он рывкнул: "Вставай, владыка!" Алексей сжал её руку, её тепло дало ему силы, и он поднялся, опираясь на неё. "Я в порядке," – сказал он, хотя боль жгла его бок, как раскалённый уголь. Она посмотрела на него, её взгляд был полон благодарности и страха, и прошептала: "Не делай так больше." Он усмехнулся, его рука сжала её запястье, и он ответил: "Только если ты будешь осторожнее." Её спасение стоило ему крови, но он знал: он сделает это снова, чтобы сохранить её жизнь.

Бой стих на миг, призраки отступили в тени, и Алексей с демоницей встали спиной к спине, их дыхание было тяжёлым, но ровным. Внезапно её рука нашла его, её пальцы скользнули в его ладонь, сжимая с силой, что могла бы сломать кости. Её кожа была горячей, несмотря на холод туннеля, и это тепло разлилось по его руке, как огонь по сухой траве. Он повернул голову, их взгляды встретились, и в её алых глазах он увидел не только решимость, но и что-то глубже – страх потерять его, что она скрывала за своей бронёй. "Мы выстоим," – сказал он тихо, его голос был как клятва, вырезанная в камне. Она кивнула, её когти слегка царапнули его кожу, но это было не больно, а тепло, как её присутствие. "Вместе," – ответила она, её голос дрожал от эмоций, что она редко выпускала наружу. Минотавр и Тенекрыл стояли рядом, их оружие было наготове, но этот миг принадлежал только им двоим. Её горячая ладонь была их якорем, их связью в этом хаосе, и Алексей почувствовал, как её сила питает его, давая ему волю продолжать. Призраки зашевелились в темноте, их шёпот стал громче, и он сжал её руку сильнее, прежде чем отпустить. "Идём," – сказал он, и она кивнула, её копьё поднялось, готовое к новому удару. Их пальцы разжались, но тепло её ладони осталось с ним, как маяк, что вёл его сквозь мрак. Они шагнули вперёд, их связь была их щитом, и бездна не могла её сломать.

Туннель внезапно расширился, и они шагнули в огромный зал, где воздух дрожал от энергии. В центре, на древнем пьедестале, пульсировало "Сердце бездны" – алый кристалл, чей свет заливал стены багровыми волнами. Его сияние было ослепительным, оно резало глаза, как раскалённое солнце, и Алексей замер, его дыхание сбилось от мощи, что исходила от артефакта. Демоница встала рядом, её копьё опустилось, и она прошептала: "Оно... живое." Её голос был полон благоговения и страха, и он кивнул, чувствуя, как "Сердце" бьётся, словно сердце настоящего зверя. Каменные стены зала были покрыты резьбой – древними символами, что извивались, как змеи, оживая в этом свете. Минотавр шагнул ближе, его топор дрогнул в руках, и он прорычал: "Оно зовёт нас." Тенекрыл, всё ещё хромя, добавил: "Или предупреждает." Алексей подошёл к пьедесталу, его "Сверхчувство" ожило, и он уловил вибрации – не только от "Сердца", но и от чего-то за их спиной. Демоница положила руку на его плечо, её когти слегка впились в броню, и она сказала: "Это наша надежда... и наша смерть." Её слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камень, и он повернулся к ней, видя в её глазах отражение алого света. "Мы заберём его," – сказал он, его голос был твёрд, как клятва, и она кивнула, её взгляд стал острым, как лезвие. Сияние зала было их целью, их испытанием, и они знали: теперь пути назад нет.

Тишина зала разорвалась шагами – тяжёлыми, быстрыми, что гремели из туннеля позади. Алексей обернулся, его "Эфирный клинок" вспыхнул в руке, и он увидел отблески факелов, что мелькали в темноте. "Орден," – прошипел он, его голос был полон гнева, и демоница шагнула к нему, её копьё поднялось, готовое к бою. "Мы не одни," – сказала она, её слова были холодными, как лёд, но в них звенела тревога. Минотавр взревел, его топор ударил по полу,

оставив трещину, и он крикнул: "Пусть идут, я их раздавлю!" Тенекрыл расправил здоровое крыло, его когти сверкнули, и он добавил: "Они близко." Алексей посмотрел на "Сердце", его свет пульсировал быстрее, словно чувствуя приближение врага, и он понял: орден шёл за ними с самого начала. "Держите строй," – приказал он, его голос гремел, как гром, и отряд выстроился перед пьедесталом, готовый защищать их добычу. Демоница встала рядом, её рука коснулась его, и она прошептала: "Мы не отдадим его." Её глаза горели решимостью, и он кивнул, чувствуя, как её воля сливается с его. Эхо погони становилось громче – звон доспехов, шорох плащей, шаги, что отдавались в камне, как барабаны войны. Алексей сжал клинок, его сердце билось в такт этому ритму, и он знал: схватка за "Сердце" только начиналась. Они стояли вместе, их тени сливались в алом свете, и бездна шептала им о битве, что решит их судьбу.

Глава 7: Сердце в руках

Алый свет "Сердца бездны" заливал зал, его пульс отдавался в груди Алексея, как второй удар сердца, тяжёлый и настойчивый. Он стоял в шаге от пьедестала, его "Эфирный клинок" дрожал в руке, отражая багровые вспышки, что плясали по стенам. Демоница замерла рядом, её копьё опущено, а дыхание участилось, словно она пыталась поймать ритм этого древнего артефакта. Кристалл был живым – его поверхность пульсировала, как плоть, испуская волны жара, что обжигали кожу даже на расстоянии. Алексей протянул руку, но остановился, чувствуя, как воздух вокруг сгущается, давит на плечи, словно невидимая рука удерживала его. "Оно зовёт нас," – сказала демоница, её голос был низким, почти шёпотом, и в нём сквозило благоговение, смешанное с тревогой. Он кивнул, его взгляд не отрывался от "Сердца" – оно манило, обещая силу, что могла бы сокрушить их врагов, и гибель, что могла бы поглотить их самих. Минотавр шагнул ближе, его копыта гулко ударили по камню, и он прорычал: "Оно слишком опасно, владыка." Тенекрыл, всё ещё хромя от раны, добавил: "Но мы не можем оставить его здесь." Алексей сжал рукоять меча, его "Сверхчувство" уловило вибрации – не только от кристалла, но и от шагов где-то позади, в туннеле. Демоница посмотрела на него, её алые глаза вспыхнули, и она сказала: "Мы должны взять его." Её решимость была как искра, что зажгла его волю, и он шагнул ближе, чувствуя, как пульс "Сердца" бьётся в такт его собственному.

В тот миг, когда Алексей приблизился к "Сердцу", зал содрогнулся – пол под ногами треснул, и каменные плиты разошлись с оглушительным скрежетом. Пыль взметнулась в воздух, словно саван, окутывая их фигуры, а с потолка посыпались осколки, звенящие, как стекло. Он пошатнулся, но удержал равновесие, его рука вытянулась к кристаллу, пока демоница крикнула: "Осторожно!" Её копьё вонзилось в пол, чтобы не упасть, а её когти впились в камень, оставляя глубокие борозды. Минотавр взревел, его топор ударил по стене, откалывая кусок, что рухнул рядом, а Тенекрыл взмахнул крыльями, поднимая ветер, что разогнал пыль. "Оно сопротивляется!" – прорычал он, его голос был хриплым от напряжения. Алексей стиснул зубы, его "Сверхчувство" ожило, улавливая, как энергия "Сердца" растекается по залу, словно живая сеть, что пыталась их поймать. Пол трясся сильнее, трещины побежали к стенам, и резной узор на них ожил, извиваясь, как змеи, что просыпались от долгого сна. Демоница схватила его за руку, её ногти впились в кожу сквозь ткань, и она потянула его назад, её голос дрожал: "Оно не хочет нас отпускать!" Он почувствовал её силу, её страх, и это дало ему ясность – они не могли отступить, но и не могли слепо бросаться вперёд. "Держись!" – крикнул он, его голос перекрыл гул, и он шагнул к "Сердцу", несмотря на хаос. Пыль клубилась вокруг, жар кристалла обжигал лицо, но он знал: если они не возьмут его сейчас, оно поглотит их всех.

Внезапно в голове Алексея зазвучал "Высший разум", его голос был как гром, что раскатился в тишине его сознания: "Оно опасно, его сила может поглотить вас." Алексей замер, его рука зависла над "Сердцем", а жар кристалла лизнул его пальцы, оставляя лёгкий ожог. Он повернулся к демонице, её лицо побледнело, а глаза расширились, словно она тоже почувствовала этот шёпот. "Что он сказал?" – спросила она, её голос был резким, но в нём сквозила тревога, что она редко показывала. Он сглотнул, его горло пересохло от пыли, и ответил: "Оно может нас уничтожить." Её губы сжались в тонкую линию, и она шагнула ближе, её копьё звякнуло о камень. "Но если оно попадёт к ордену..." – начала она, и он кивнул, понимая, что её мысль зеркала его собственную. Минотавр фыркнул, его топор опустился на пол с тяжёлым стуком, и он прорычал: "Тогда берите его быстро, или мы все сгинем!" Тенекрыл добавил, его

когти сжались в кулаки: "Оно не даст нам второго шанса." Алексей посмотрел на "Сердце", его пульс ускорился, и он почувствовал, как "Высший разум" добавил: "Только вместе вы сможете его удержать." Эти слова эхом отозвались в его душе, и он протянул руку к демонице, их пальцы соприкоснулись, её кожа была холодной, но её хватка – твёрдой. "Мы сделаем это вдвоём," – сказал он, его голос был твёрд, как сталь, и она кивнула, её глаза вспыхнули решимостью. Предостережение "Высшего разума" было их путеводной нитью, и они знали: риск был их единственным путём к победе.

Демоница шагнула вперёд, её движения были быстрыми, как удар молнии, и она протянула руку к "Сердцу", не дожидаясь его слова. Её пальцы коснулись кристалла, и зал наполнился шипением, как от раскалённого железа, что упало в воду – её кожа задымилась, а она стиснула зубы, подавляя стон боли. Алексей крикнул: "Нет!" – его голос сорвался, но она не отступила, её когти впились в поверхность "Сердца", и она рванула его с пьедестала. Свет вспыхнул, ослепляя их, и волна энергии отбросила её назад, но она удержала кристалл в руках, её грудь вздымалась от тяжёлого дыхания. "Я сделала это," – выдохнула она, её голос дрожал, но в нём звучала гордость, что могла бы расколоть горы. Алексей бросился к ней, его руки схватили её за плечи, и он увидел, как её ладони покрылись ожогами, чёрными и дымящимися, но она не выпустила "Сердце". "Ты могла умереть!" – крикнул он, его сердце билось в горле, но она слабо улыбнулась, её глаза блестели от боли и триумфа. "Но не умерла," – ответила она, её голос был слабым, но острым, как лезвие. Минотавр шагнул ближе, его топор звякнул о пол, и он прорычал: "Смелая, как всегда." Тенекрыл кивнул, его крылья дрогнули, и он добавил: "Теперь уходим." Демоница посмотрела на Алексея, её смелость была их победой, и он знал: она рискнула всем ради них. Её рука дрожала, но хватка оставалась крепкой, и он понял – она была их силой в этот миг.

Алексей смотрел в её глаза, и страх сжал его грудь, как холодные тиски – её рука дымилась, её лицо побледнело, а "Сердце" в её ладонях пульсировало, словно высасывая её жизнь. "Дай мне его!" – крикнул он, его голос ломался от ужаса, и он потянулся к кристаллу, но она покачала головой, её слабая улыбка резала его душу. "Я выдержу," – прошептала она, но её голос был хриплым, а дыхание – прерывистым, как у раненого зверя. Он видел боль в её взгляде, видел, как её когти дрожат, и страх за неё захлестнул его, как волна, смывая всё – гнев, решимость, даже надежду. "Ты не должна страдать," – сказал он, его руки обхватили её лицо, и он почувствовал, как её кожа холодеет, несмотря на жар "Сердца". Минотавр шагнул ближе, его топор звякнул о камень, и он рявкнул: "Владыка, она слабеет!" Тенекрыл добавил, его голос был резким: "Оно её убьёт, если мы не уйдём!" Алексей стиснул зубы, его "Сверхчувство" уловило, как её пульс замедляется, и он понял – каждая секунда с "Сердцем" в её руках была для неё ядом. "Пожалуйста," – прошептал он, его голос дрожал, и он прижался лбом к её лбу, чувствуя её дыхание на своей коже. Её глаза встретили его, полные доверия, и она сказала: "Ты спасёшь меня." Этот страх за неё был его слабостью, но и его силой – он не мог потерять её, не теперь, не никогда.

Алексей сжал её руку, его пальцы переплелись с её, и он сказал: "Мы унесём его вместе." Его голос был твёрд, несмотря на страх, что всё ещё грыз его изнутри, и он взял "Сердце" из её ладоней, чувствуя, как его жар обжигает его кожу, как раскалённый уголь. Она выдохнула с облегчением, её плечи опустились, но она тут же шагнула ближе, её когти легли на его запястье, поддерживая его. "Вместе," – повторила она, её голос был слабым, но полным веры, и он кивнул, их взгляды сцепились, как замок, что не открыть никакому врагу. "Сердце" пульсировало в его руках, его энергия текла через него, но её присутствие смягчало боль, делило её между ними. Минотавр кивнул, его топор поднялся, и он прорычал: "Тогда бежим навстречу!"

Тенекрыл расправил крылья, его когти звякнули о камень, и он добавил: "Орден уже близко." Алексей посмотрел на демоницу, её ожоги всё ещё дымились, но её глаза горели решимостью, и он понял – они не оставят "Сердце" врагу, даже если это будет их последним выбором. "Мы уходим," – сказал он, его голос гремел, как приказ, и он шагнул к туннелю, её рука осталась в его, их шаги были медленными, но твёрдыми. "Сердце" обжигало его ладони, но её тепло рядом было сильнее, и он знал: их выбор был их силой, их единством против бездны. Они шли, спина к спине, их связь была их щитом, и они не остановятся.

Едва они двинулись к туннелю, позади раздался звон металла – мечи ордена "Света Пепла" звенели о камень, их шаги гремели, как барабаны войны. Алексей обернулся, его "Эфирный клинок" вспыхнул в руке, и он увидел белые плащи, что мелькали в полумраке, их факелы отбрасывали длинные тени на стены. "Они здесь!" – крикнул он, его голос был полон гнева, и демоница шагнула к нему, её копьё поднялось, несмотря на дрожь в её руках. "Мы не отдадим его," – сказала она, её слова были холодными, как лёд, но в них звенела ярость. Минотавр взревел, его топор расколол воздух, и он бросился к врагу, его рога вонзились в первого рыцаря, чья кровь брызнула на камень. Тенекрыл метнулся вверх, его когти полоснули второго, и крик эхом разнёсся по залу. Алексей сжал "Сердце" сильнее, его жар обжигал, но он шагнул назад, прикрывая демоницу. "Держись за мной!" – крикнул он, и она кивнула, её копьё отбило удар меча, что метнулся к его голове. Их движения были слаженными, как танец, но врагов становилось больше – они выливались из туннеля, как поток, их глаза горели фанатичным светом. "За "Сердце"!" – крикнул один из них, и Алексей стиснул зубы, его клинок разрубил его надвое. Они бежали, мечи звенели за их спиной, и он знал: каждая секунда была на счету, каждый удар приближал их к выходу или к гибели.

Алексей нёс демоницу, когда её силы начали иссякать – её ноги подкосились, и она рухнула на него, её голова легла на его плечо, а дыхание стало прерывистым. "Держись," – шептал он, его голос дрожал, но шаги оставались твёрдыми, как камень, что гудел под его сапогами. "Сердце" пульсировало в его руках, его жар проникал сквозь перчатки, обжигая кожу, но он терпел, стиснув зубы, ради неё. Минотавр шёл впереди, его топор разрубал путь, отбрасывая врагов, что пытались преградить им дорогу, а Тенекрыл прикрывал тыл, его крылья били воздух, сбивая факелы из рук рыцарей. "Быстрее, владыка!" – рявкнул минотавр, его голос перекрыл звон мечей, и Алексей ускорил шаг, чувствуя, как её тело тяжелеет в его руках. Её когти слабо сжали его броню, и она прошептала: "Не бросай меня." Эти слова резанули его сердце, и он ответил, его голос был твёрд, как клятва: "Никогда." "Сердце" гудело, его энергия текла через него, но её тепло, её слабое дыхание на его шее давали ему силы идти дальше. Туннель сужался, стены давили, а шаги ордена гремели позади, но он не оглядывался – его взгляд был прикован вперёд, к слабому свету, что маячил вдали. Его твёрдый шаг был их спасением, их надеждой, и он нёс её, как драгоценность, что дороже всей империи.

Свет лестницы мелькнул впереди, слабый, но манящий, как звезда в ночи, и Алексей ускорил шаг, его грудь горела от напряжения, а "Сердце" в руках пульсировало всё яростнее. Демоница шепнула: "Мы близко," её голос был едва слышен, но в нём звучала надежда, что пробилась сквозь её боль. Он кивнул, его сапоги гудели по камню, и он крикнул: "Держитесь!" Минотавр рванулся вперёд, его топор расколол последнего рыцаря, что встал на пути, а Тенекрыл взлетел к выходу, его крылья хлопали, разгоняя пыль. Шаги ордена гремели позади, их крики: "Остановите их!" – эхом отражались от стен, но Алексей не оглядывался – его взгляд был прикован к свету, что становился ярче с каждым шагом. "Сердце" обжигало его ладони, его энергия текла по венам, но он сжал его сильнее, чувствуя, как демоница цепляется за него, её когти впились в его плечо. "Мы выберемся," – сказал он, его голос был хриплым, но полным

веры, и она кивнула, её глаза блестели в полумраке. Луч выхода был их целью, их спасением, и он шёл к нему, несмотря на жар, на боль, на врагов за спиной. Они достигли лестницы, свет омыл их лица, и он шагнул вверх, её тело в его руках, "Сердце" между ними – они бежали к свободе, а орден дышал им в спину.

Глава 8: Маска предателя

Алексей шагнул в тронный зал, его сапоги гулко ударили по мрамору, ещё покрытому пылью недр. "Сердце бездны" лежало на столе перед троном, его алый свет пульсировал, отбрасывая багровые блики на стены, где факелы трещали, борясь с тенями. Он опёрся на подлокотник трона, его грудь вздымалась от усталости, но взгляд был острым, как клинок. Демоница вошла следом, её плащ развевался, а копьё в руке дрожало от напряжения – её ожоги всё ещё дымились, но она держалась прямо, её алые глаза сияли гордостью. "Мы взяли его," – сказал он, его голос гремел, перекрывая шёпот генералов, что собрались вокруг. Минотавр кивнул, его топор лежал у ног, а костяной бык фыркнул, его рога блестели в полумраке. Тенекрыл, перевязанный после раны, добавил: "Но орден не отступит." Алексей положил руку на "Сердце", его жар пробился сквозь перчатку, и он продолжил: "Оно даст нам силу их сломить." Демоница шагнула к столу, её пальцы коснулись карты, и она сказала: "Укрепим стены, расставим ловушки – они не пройдут." Её голос был твёрд, как сталь, но в нём звучала усталость, что она скрывала от всех, кроме него. Он поймал её взгляд, их связь была безмолвной, но глубокой – они выстояли в недрах, и теперь их империя зависела от их плана. Генералы закивали, их голоса слились в гул согласия, но в углу зала железный голем стоял неподвижно, его стальные глаза пусто смотрели в никуда, и тишина вокруг него казалась зловещей.

Железный голем возвышался в углу, его массивное тело отливало холодным блеском в свете факелов, но он не шевелился, не издал ни звука. Алексей бросил на него взгляд, его "Сверхчувство" уловило лёгкий скрежет внутри стальной оболочки, но он отмахнулся – усталость после недр притупила его бдительность. "Что скажешь, стальной?" – спросил он, его голос был резким, требовательным, но голем молчал, его глаза-щели оставались тёмными, как бездна. Демоница нахмурилась, её когти сжались на копьё, и она шепнула Алексею: "Он странный сегодня." Её интуиция, острая, как лезвие, кольнула её, но она не стала говорить громче – не хотела сеять тревогу среди генералов. Минотавр фыркнул, его топор звякнул о пол, и он прорычал: "Он всегда молчит, пока не бьёт." Костяной бык кивнул, его рога качнулись, а Тенекрыл добавил: "Но сейчас он слишком тих." Алексей шагнул к столу, его рука легла на "Сердце", и он продолжил: "Мы спрячем его в сокровищнице, под охраной." Демоница кивнула, её пальцы чертили линии на карте, указывая точки обороны, но её взгляд то и дело возвращался к голему. Тишина стала была гнетущей, как затишье перед бурей, и она чувствовала, как холод пробегает по её спине. Алексей заметил её напряжение, его рука сжала её плечо, и он шепнул: "Мы разберёмся." Но в глубине души он тоже ощутил тень сомнения – молчание голема было не просто усталостью, а чем-то большим, что он пока не мог разгадать.

Внезапно зал наполнился грохотом – железный голем рванулся вперёд, его стальная рука сжала "Сердце бездны" с такой скоростью, что никто не успел среагировать. Каменный пол треснул под его шагами, и он бросился к выходу, его движения были точными, как у машины, созданной для предательства. Алексей взревел: "Стой!" – его голос сорвался от ярости, и он метнулся за ним, "Эфирный клинок" вспыхнул в его руке. Демоница вскочила, её копьё звякнуло о пол, и она крикнула: "Он предал нас!" Минотавр бросился наперерез, его топор ударил по стальной ноге голема, но лезвие лишь высекло искры, а голем не замедлился. Костяной бык рванулся следом, его рога врезались в стену, когда голем увернулся, а Тенекрыл взлетел, его когти полоснули по спине предателя, оставив лишь царапины. "Сердце" сияло в его кулаке, его свет пульсировал, как насмешка над их триумфом в недрах. Алексей прыгнул, его клинок метнулся к руке голема, но сталь отразила удар, и он рухнул на пол, его грудь вздымалась от

гнева. Демоница догнала его, её копьё вонзилось в щель между пластинами, но голем развернулся, его свободная рука ударила её, отбросив к стене. Она вскрикнула, её тело ударилось о камень, и Алексей почувствовал, как ярость захлестнула его, словно пожар. "Ты заплатишь!" – крикнул он, но голем уже мчался к воротам, его шаги гремели, как гром, унося "Сердце" прочь. Удар измены был быстрым и точным, и он оставил их в пыли их собственной веры.

Алексей вскочил, его "Эфирный клинок" пылал в руке, синий свет резал тьму зала, как молния. Его гнев был слепящим, горячим, как лава, что текла в его венах, и он бросился за големом, его сапоги оставляли вмятины на мраморе. "Ты не уйдёшь!" – крикнул он, его голос гремел, перекрывая шум битвы, что разгорелась позади. Он видел, как голем бежит к воротам, "Сердце" сияло в его стальном кулаке, и каждый шаг предателя был как удар по его гордости. Минотавр рванулся следом, его топор взлетел, расколов воздух, но голем уклонился, и лезвие врезалось в колонну, осыпав её обломками. Костяной бык бросился наперерез, его рога вонзились в пол, поднимая облако пыли, но голем перепрыгнул его, его движения были слишком быстрыми для машины. Тенекрыл пикировал сверху, его когти царапали сталь, но предатель не остановился. Алексей ускорил бег, его "Сверхчувство" уловило каждый скрип суставов голема, каждый удар его ног о землю, и он прыгнул, его клинок вонзился в спину предателя, пробив пластину. Искры брызнули во тьму, голем пошатнулся, но не упал – он развернулся, его кулак метнулся к Алексею, и тот еле успел уклониться, рухнув на колени. "Зачем?!" – крикнул он, его голос был полон боли и ярости, но голем не ответил, его пустые глаза смотрели сквозь него. Гнев владыки был их единственным оружием в этот миг, и он гнал его вперёд, к предателю, что унёс их надежду.

Демоница поднялась, её копьё звякнуло о камень, и она крикнула: "Алексей, остановись!" Её голос рвался сквозь ветер, что ворвался в зал через открытые ворота, острый и полный страха за него. Она побежала следом, её шаги были неровными, ожоги на руках пульсировали болью, но она не остановилась – её копьё дрожало в руках, как живое, готовое бить. Алексей обернулся на её зов, его грудь вздымалась, а "Эфирный клинок" всё ещё пылал, но её слова остановили его на миг, как цепь, что удержала его от пропасти. "Он уходит!" – крикнул он в ответ, но её глаза, полные тревоги, заставили его сердце сжаться. Она догнала его, её когти сжали его руку, и она сказала: "Не бросайся один – мы вместе." Её голос дрожал, но в нём была сила, что всегда вела их через тьму. Минотавр рявкнул: "Она права, владыка!" – его топор врезался в пол, поднимая искры, а костяной бык добавил: "Мы догоним его!" Тенекрыл приземлился рядом, его крылья сложились, и он прохрипел: "Он бежит к врагу." Демоница посмотрела на Алексея, её дыхание было тяжёлым, но решительным, и она шагнула вперёд, её копьё поднялось, готовое к бою. "Я с тобой," – сказала она, и её зов был как маяк в ночи, что вернул его к ней. Он кивнул, его гнев смягчился её присутствием, и они бросились за големом вместе, их шаги гудели в унисон, как барабаны судьбы.

У стен крепости их ждала засада – белые плащи ордена "Света Пепла" высыпали из теней, их мечи сверкали в лунном свете, окружая голема, как стая волков. Алексей остановился, его "Сверхчувство" уловило запах железа и пепла, и он крикнул: "Ловушка!" Демоница встала рядом, её копьё вонзилось в землю, и она прорычала: "Они ждали этого." Голем шагнул к рыцарям, "Сердце" сияло в его руке, и один из них, в мантии с пепельным крестом, протянул ладонь, принимая кристалл. "Вы опоздали," – сказал он, его голос был холодным, как зимний ветер, и Алексей стиснул зубы, его клинок вспыхнул ярче. Минотавр рванулся вперёд, его топор разрубил первого рыцаря, но второй ударил его мечом, и кровь брызнула на траву. Костяной бык бросился в гущу врагов, его рога ломали щиты, а Тенекрыл взлетел, его когти рвали плащи, но врагов было слишком много. "Они знали," – прошептала демоница, её глаза

сузились, и она шагнула к Алексею, её рука легла на его плечо. "Это их план," – ответил он, его голос был полон гнева, и он понял: голем был их пешкой с самого начала. Рыцари сомкнули строй, их мечи поднялись, и свет "Сердца" усилился, озаряя ночь. Алексей шагнул вперёд, его клинок метнулся к голему, но рыцарь в мантии поднял руку, и волна света отбросила его назад. Демоница поймала его, её дыхание было тяжёлым, но решительным, и она сказала: "Мы прорвёмся." Ловушка врага захлопнулась, но их воля ещё горела.

Алексей бросился на голема, его "Эфирный клинок" врезался в стальную грудь, и искры брызнули во тьму, как звёзды, падающие с неба. Его когти – дар "Сверхвласти" – вырвались из пальцев, разрывая металл, и он крикнул: "Ты мой!" Голем пошатнулся, его рука сжала "Сердце", но он не ответил – его пустые глаза смотрели сквозь него, как зеркала без отражения. Демоница рванулась следом, её копьё вонзилось в стык пластин, и она крутанулась, её движения были как танец, полный ярости. "Защити его!" – крикнула она, и минотавр бросился к ней, его топор разрубил рыцаря, что метнулся к её спине. Костяной бык врезался в строй, его рога поднимали врага в воздух, а Тенекрыл спикировал, его когти рвали мантию жреца. Но "Сердце" выскользнуло из руки голема, упав на землю, и рыцарь в мантии подхватил его, его пальцы сжали кристалл, как добычу. Алексей взревел, его клинок ударил снова, пробив плечо голема, и сталь заскрежетала, как крик умирающего зверя. Демоница метнула копьё, пронзив ногу рыцаря, и тот пошатнулся, но удержал "Сердце". Их бой был хаосом стали и когтей, кровь смешивалась с грязью, и они бились, спина к спине, их дыхание сливалось в ритме битвы. Голем рухнул, его тело задрожало и затихло, но победа была горькой – "Сердце" ускользнуло, и враг отступал, унося их надежду.

Орден отступил, их белые плащи растворились в ночи, унося "Сердце бездны", чей свет меркнул за горизонтом, как угасающая звезда. Алексей стоял над телом голема, его кулаки сжались так сильно, что когти впились в ладони, и кровь капала на землю. Его "Эфирный клинок" потух, его сияние угасло, как его надежда, и он смотрел в пустоту, где только что был их враг. Демоница опустила копьё, её грудь вздымалась, а ожоги на руках пульсировали болью, но она молчала, её взгляд был прикован к горизонту. Минотавр фыркнул, его топор вонзился в землю, и он прорычал: "Мы их догоним." Костяной бык кивнул, его рога блестели в лунном свете, а Тенекрыл приземлился рядом, его крылья сложились, и он прохрипел: "Они ушли слишком быстро." Алексей стиснул зубы, его "Сверхчувство" всё ещё ловило слабый пульс "Сердца", но он знал – они проиграли эту схватку. Ветер принёс запах пепла и крови, и тишина легла на поле, как саван. "Мы потеряли его," – сказал он, его голос был тихим, но полным горечи, и он ударил кулаком по телу голема, его сталь загудела под ударом. Демоница шагнула к нему, её рука коснулась его плеча, и она сказала: "Но не друг друга." Потеря сияния "Сердца" была их поражением, но её слова напомнили ему, что их бой ещё не окончен.

Демоница подошла ближе, её шаги были медленными, и слёзы блестели в её алых глазах, как звёзды в ночи. "Я должна была заметить," – прошептала она, её голос дрожал, и она опустилась на колени рядом с ним, её копьё упало в грязь. Алексей обернулся, его сердце сжалось от её боли, и он опустился рядом, его руки обняли её, чувствуя, как она дрожит. "Это не твоя вина," – сказал он, его голос был мягким, но твёрдым, и он прижал её к себе, её тепло пробилось сквозь холод его доспехов. Она покачала головой, её когти впились в его броню, и она сказала: "Я видела его тишину, но промолчала." Её слёзы капали на его плечо, горячие, как угли, и он гладил её волосы, его пальцы дрожали от её горя. Минотавр отвернулся, его топор звякнул о камень, а костяной бык фыркнул, их молчание было их уважением. Тенекрыл добавил: "Мы все ошиблись." Но демоница не слышала, её печаль была глубокой, как бездна, что они оставили позади, и она шептала: "Я подвела тебя." Алексей взял её лицо в ладони, его

взгляд встретил её, и он сказал: "Ты моя сила, а не слабость." Их любовь была единственным светом в этой ночи предательства, и он держал её, пока её слёзы не стихли, зная, что их путь вперёд будет их искуплением.

Глава 9: Кровь на песке (4376 слов)

Пустыня дрожала под ногами Алексея, песок взлетал от каждого шага, горячий ветер обжигал лицо, как дыхание дракона. Они шли к южным рубежам, где орден "Света Пепла" укреплял свои силы после кражи "Сердца бездны". Ночь опустилась внезапно, но небо вспыхнуло багровым огнём – пылающие сферы, вызванные мощью артефакта, падали с высоты, оставляя за собой шлейфы дыма и пепла. Алексей остановился, его "Сверхчувство" уловило дрожь земли, а взгляд метнулся к горизонту. Демоница стояла рядом, её тёмный плащ развевался, открывая шрамы на руках, её алые глаза сияли в отблесках пламени, как два раскалённых угля. "Они начали," – сказала она, её голос был низким, но резким, прорезая вой ветра. Алексей кивнул, его рука сжала рукоять "Эфирного клинка", и синий свет лезвия осветил их лица, отбрасывая тени на песок. Минотавр взревел впереди, его топор сверкнул, отражая огонь, а костяной бык фыркнул, его рога опустились, готовые к бою. Тенекрыл взлетел выше, его крылья рассекли воздух, и он крикнул: "С юга идут!" Небо пылало, как разорванная рана, и Алексей шагнул ближе к демонице, его плечо коснулось её. "Мы их остановим," – сказал он, его слова были твёрдыми, как клятва. Она посмотрела на него, её когти блеснули, и слабая улыбка тронула её губы. "Вместе," – ответила она, и они двинулись навстречу огню, их сердца бились в одном ритме с гулом пустыни.

Песок под ногами задрожал сильнее, и низкий, глубокий гул пронёсся над дюнами, как голос пробуждающегося зверя. "Сердце бездны" было где-то там, в руках ордена, его энергия резонировала в воздухе, заставляя волосы на затылке Алексея вставать дыбом. Он чувствовал его зов – пульсирующий ритм, что проникал в кости, манил и угрожал одновременно. Демоница сжала своё копьё, её пальцы побелели от напряжения, и она прошептала: "Оно близко." Её голос дрожал не от страха, а от гнева, что кипел в ней с тех пор, как артефакт вырвали из их рук. Алексей кивнул, его "Высший разум" шепнул в голове: "Оно питает их силу, но может уничтожить их же." Он передал ей это, и её глаза вспыхнули, как молнии в ночи. "Тогда мы заставим его обернуться против них," – ответила она, её решимость была острой, как лезвие. Впереди показались тени – белые плащи ордена мелькали между дюн, их факелы дрожали в руках, а над ними гудел алый свет "Сердца", парящего в центре их строя. Минотавр рывкнул, его шаги ускорились, топор поднялся, готовый к удару, а костяной бык затрубил, его костяные пластины задрожали от ярости. Тенекрыл спикировал ниже, его когти сверкнули, и он крикнул: "Они укрепились!" Алексей шагнул вперёд, его клинок гудел в руке, и он почувствовал, как её рука коснулась его спины – лёгкий, но тёплый жест, что говорил больше слов. "Мы вернём его," – сказал он, и её кивок был их общим обещанием, заглушённым гулом артефакта, что звал их в бой.

Огонь ударил по песку, взметнув облака пыли и искр, но костяной бык рванулся вперёд, его рога врезались в строй рыцарей ордена, как таран в хрупкую стену. Земля содрогнулась, крики врагов смешались с треском их доспехов, раздавленных под его напором. Алексей наблюдал, как бык держал линию, его массивное тело принимало удары мечей и стрел, что отскакивали от костяных пластин, оставляя лишь царапины. "Держись!" – крикнул он, его голос перекрыл шум битвы, и бык ответил рёвом, что сотряс дюны. Демоница бросилась следом, её копьё вонзилось в первого рыцаря, что осмелился подойти к зверю, и кровь брызнула на песок, окрашивая его в алый. "Он наш щит," – сказала она, её дыхание было тяжёлым, но глаза горели триумфом. Минотавр присоединился, его топор расколол щит второго врага, и песок взлетел от силы удара, смешиваясь с дымом от пылающих сфер, что продолжали падать

с неба. Алексей шагнул к ней, его клинок рассёк третьего рыцаря, чья молитва оборвалась хрипом, и он крикнул: "Пробивайся к центру!" Бык рванулся снова, его рога подняли в воздух четвёртого врага, чьё тело рухнуло с глухим стуком, и строй ордена дрогнул, но не сломался. Тенекрыл спикировал, его когти вырвали оружие из рук пятого, и он крикнул: "Они держатся!" Алексей кивнул, его "Сверхчувство" уловило напряжение в их рядах – стойкость быка была их шансом, и он сжал её руку, шепнув: "Мы идём за ним." Её улыбка была острой, как клинок, и они двинулись вперёд, следуя за рёвом их генерала.

Огненная волна обрушилась с неба, её жар опалил воздух, и песок под ногами начал плавиться, превращаясь в стеклянные пятна. Алексей рванулся вперёд, но демоница оказалась быстрее – она прыгнула перед ним, её руки вспыхнули тёмной энергией, и барьер из теней поднялся, как стена, гася пламя в облаке чёрного дыма. Огонь шипел, ударяясь о её защиту, и она рухнула на одно колено, её дыхание сорвалось, а песок под ней почернел от напряжения её сил. "Держись!" – крикнул Алексей, бросаясь к ней, его руки схватили её плечи, и он почувствовал, как её тело дрожит от усталости. "Я в порядке," – выдохнула она, её голос был хриплым, но твёрдым, и она подняла голову, её глаза встретились с его, полные решимости. Минотавр взревел, его топор отбил меч рыцаря, что метнулся к ним, а костяной бык врезался в строй, давая им мгновение передышки. Тенекрыл спикировал, его крылья подняли песок, и он крикнул: "Они идут снова!" Огонь ударил ещё раз, но её барьер держался, трескаясь, но не ломаясь, и Алексей вызвал "Эфирный барьер", его голубое сияние смешалось с её тьмой, создавая купол над ними. "Вместе," – сказал он, и она кивнула, её когти впились в песок, удерживая её на ногах. Рыцари ордена окружали их, их мечи сверкали в отблесках пламени, но её барьер был их спасением, их общей волей, и он знал – она не сдастся, пока он рядом.

Песок вокруг них горел, дым застилал глаза, но Алексей чувствовал её – её тепло, её дыхание, её силу, что питала его даже в этом аду. Он вызвал "Сверхвласть", его тело окуталось сиянием, и волна энергии погасила огонь вокруг неё, отбросив рыцарей назад, как сухие листья в бурю. Демоница подняла голову, её барьер мигнул, но не рухнул, и она посмотрела на него, её глаза блестели благодарностью и чем-то глубже – любовью, что не гасла даже в хаосе. "Ты..." – начала она, но её голос сорвался, и она просто сжала его руку, её когти оставили лёгкие царапины на его коже. "Мы," – поправил он, его клинок вспыхнул ярче, и он шагнул вперёд, рубя врага, что осмелился приблизиться. Минотавр рванулся к ним, его топор расколол щит очередного рыцаря, а костяной бык врезался в строй, ломая их линию. Тенекрыл спикировал, его когти рвали доспехи, и он крикнул: "Они слабеют!" Алексей повернулся к ней, его рука легла на её талию, поддерживая её, и он сказал: "Это наша сила." Она кивнула, её копьё поднялось, и она ударила, пронзив грудь рыцаря, чья кровь смешалась с песком. Их движения слились – его клинок, её копьё, их дыхание в унисон, и враги падали под их натиском, их любовь была их мощью, что рвала ночь на части. "Сердце" гудело вдали, но он знал – они сильнее, потому что они вместе.

Песчаные дюны вокруг них дрожали, их вершины осыпались под ударами огня, вызванного "Сердцем", и Алексей видел, как их укрытие рушится – стены из песка трескались, как древний камень под молотом. Он рубил врагов, его клинок оставлял синие дуги в воздухе, но каждый удар отдавался в его руках, а песок оседал под ногами, хороня тела павших. Демоница билась рядом, её копьё вонзалось в доспехи, но её движения замедлились, её грудь вздымалась от усталости. "Мы его спасём," – выдохнула она, её голос был слабым, но полным веры, и он кивнул, его взгляд метнулся к центру вражеского строя, где "Сердце" сияло, как маяк в ночи. Минотавр взревел, его топор расколол землю, подняв облако пыли, а костяной бык рванулся вперёд, его рога сломали строй, но рыцари сомкнули ряды, их щиты встали стеной. Тенекрыл

спикировал, его когти царапнули шлемы, но стрела пронзила его крыло, и он рухнул с криком, песок окрасился его кровью. Алексей шагнул к ней, его рука сжала её плечо, и он крикнул: "Держись меня!" Песок трещал под их ногами, дюны рушились, но он знал – их воля крепче этих стен, и они двинулись вперёд, их шаги гудели в ночи, как вызов судьбе.

"Высший разум" заговорил в голове Алексея, его голос был ясным, несмотря на шум битвы: "Идите к центру, остановите 'Сердце'." Он остановился, его взгляд метнулся к демонице, и он передал ей слова, его голос перекрыл вой ветра: "Мы должны туда." Она кивнула, её копьё опустилось в боевую стойку, и она сказала: "Тогда идём." Её решимость была их маяком, и он шагнул вперёд, его клинок рассёк рыцаря, что преградил путь. Минотавр рванулся следом, его топор расколол щит, а костяной бык врезался в строй, его рога ломали кости, давая им дорогу. Тенекрыл поднялся, его крыло дрожало, но он взлетел, крикнув: "Я прикрою!" Алексей чувствовал, как "Сердце" зовёт его, его гул проникал в грудь, но "Высший разум" добавил: "Оно слабеет, используйте это." Он крикнул ей: "Оно не выдержит!" Её глаза вспыхнули, и она рванулась вперёд, её копьё пронзило очередного врага, чья кровь брызнула на её лицо. Песок взлетал вокруг, огонь падал с неба, но они шли, их шаги были твёрдыми, их связь – их компасом. "Мы близко," – сказал он, и её кивок был их общим ответом на зов разума, что вёл их сквозь хаос.

Дым стелился по песку, густой и едкий, он резал глаза и горло, но Алексей бежал, его рука сжимала её талию, поддерживая её ослабевшее тело. Жар "Сердца" обжигал кожу, его свет пробивался сквозь завесу, и они видели его – алый кристалл в центре строя ордена, окружённый рыцарями и магами, чьи молитвы звучали, как вызов. "Туда!" – крикнул он, его голос сорвался, и она кивнула, её шаги были слабыми, но решительными. Минотавр рванулся вперёд, его топор расколол землю, подняв облако песка, а костяной бык врезался в строй, его рога сломали щиты, открывая путь. Тенекрыл спикировал, его когти рвали мантии магов, но стрела сбила его снова, и он упал с хрипом. Алексей рубил врагов, его клинок пел в воздухе, а она была копьём, её движения были точными, несмотря на усталость. Дым густел, жар усиливался, но они бежали, их дыхание сливалось в ритме боя. "Мы почти там," – выдохнул он, и она сжала его руку, её когти впились в его кожу, оставляя следы. Рыцари окружали их, их мечи сверкали, но они прорывались, их любовь была их силой, их бег сквозь дым – их последним рывком к цели.

Демоница споткнулась, её ноги подкосились, и она рухнула на песок, задыхаясь от жара и дыма. Её копьё упало, её грудь вздымалась с трудом, и кровь текла из раны на её плече, где стрела ордена оставила свой след. Алексей бросился к ней, его клинок отбил меч рыцаря, что метнулся к ней, и он рухнул на колени рядом, его руки обхватили её. "Не уходи!" – крикнул он, его голос ломался от страха, и он почувствовал, как её тело дрожит в его объятиях. Её глаза открылись, слабые, но живые, и она прошептала: "Я... с тобой." Минотавр взревел, его топор расколол череп врага, что осмелился подойти, а костяной бык встал стеной, его рога отбрасывали рыцарей назад. Тенекрыл поднялся, его крылья дрожали, и он спикировал, отвлекая магов. Алексей вызвал "Сверхрегенерацию", его ладони засветились, и её рана начала затягиваться, кровь остановилась, но её дыхание оставалось слабым. "Держись," – сказал он, его голос дрожал, и он поднял её, прижимая к груди. "Сердце" сияло впереди, его свет резал глаза, но он шагнул к нему, неся её, её падение было их испытанием, и он знал – он не даст ей уйти, пока они не победят.

Я искренне извиняюсь за недоразумение! Кажется, произошла ошибка в понимании твоего запроса. Ты просил написать главу 10 строго по оглавлению, и я вижу, что в твоём первом сообщении было указано только название и первая часть главы 10 («Песок под ногами»), а

полное оглавление для главы 10 я должен был взять из предоставленного документа. Однако в документе, который ты приложил, оглавление для главы 10 называется «Раненое сердце» с конкретными 9 частями, а не «Тени над пеплом», как я написал. Моя ошибка в том, что я, видимо, неверно интерпретировал твой первый запрос и создал главу на основе только первой части, а не полного оглавления из документа. Это моя оплошность, и я немедленно её исправлю.

Ниже я привожу главу 10 «Раненое сердце» строго по оглавлению из твоего документа для глав 6–10 (раздел «Глава 10: Раненое сердце»), без каких-либо отклонений. Я сохраню структуру (9 частей, примерно 2917 слов), баланс романтики, боевых сцен и эпичности, и буду следовать описаниям каждой части точно так, как указано. Вот исправленная версия:

Глава 10: Раненое сердце (2917 слов)

Демоница слабеет в его руках, её дыхание хриплое, грудь едва поднимается. Алексей шёл сквозь пламя, его шаги гудели по выжженной земле, а жар обжигал лицо. Её тело было лёгким, но каждый её вздох отдавался в его сердце, как удар молота. Огонь ревел вокруг, дым стелился густыми волнами, но он видел только её – её бледное лицо, её закрытые глаза. «Дыши», – шептал он, его голос дрожал от страха, но он держал её крепко, не давая ей ускользнуть. Пепел оседал на её чёрных волосах, смешиваясь с кровью, что текла из её ран, и он чувствовал, как её тепло уходит. Вдалеке гудело «Сердце бездны», его алый свет пробивался сквозь хаос, но для него это было лишь фоном. Он опустился на колено, прижимая её к груди, его пальцы дрожали, касаясь её щеки. Её грудь поднялась чуть сильнее, и слабый хрип вырвался из её горла – она всё ещё боролась. Алексей стиснул зубы, его взгляд горел решимостью. Он не позволит ей уйти, даже если весь мир обратится в пепел. «Ты моя жизнь», – произнёс он тихо, и её веки дрогнули, словно она услышала.

Элементали ордена, сотканые из пламени, окружили их, их когти пылают, как раскалённая сталь. Алексей встал, держа демоницу одной рукой, а другой вызвал «Эфирный клинок», его синий свет разрезал дым. Первый элементаль бросился на него, его рёв заглушал треск огня, но Алексей уклонился, клинок вспорол огненное тело, и искры взлетели в воздух. Демоница шевельнулась, её слабый голос прорезал хаос: «Бей». Он кивнул, его движения стали быстрее – он танцевал в этом аду, каждый удар был точен, каждый шаг защищал её. Второй элементаль прыгнул, его когти метили в её тело, но Алексей закрыл её собой, принимая жар на свои доспехи. Клинок вонзился в грудь твари, и она рассыпалась в пепел. Её голова лежала на его плече, её дыхание было рваным, но она всё ещё смотрела на него, её глаза блестели верой. Огонь лизал его кожу, дым душил лёгкие, но он продолжал, его ярость питала этот танец. Элементали отступали, их пламя слабело, но земля дрожала – враг был близко. Алексей выдохнул, его грудь вздымалась, и он посмотрел на неё. «Мы выстоим», – сказал он, и её слабый кивок стал его силой.

«Эфирный клинок» вспыхнул ярче, его свет озарил пустыню, и Алексей бросился на элементалей с новой силой. Их вопли тонули в реве огня, когда он рассекал их тела, пепел сыпался на песок, как чёрный снег. Кровь демоницы капала на его доспехи, её алые пятна смешивались с пылью, и каждый удар его клинка был криком ярости. Она была его причиной сражаться, его дыханием в этом аду. Один элементаль прыгнул сзади, его когти рвали воздух, но Алексей обернулся, клинок прошёл сквозь пламя, и тварь рухнула, её жар угас. Он чувствовал её взгляд, слабый, но живой, и это подстёгивало его. «Держись», – бросил он через плечо, его голос был хриплым, но твёрдым. Ещё один элементаль вырос перед ним, его кулак из огня метил в него, но Алексей увернулся, вонзив клинок в его сердце. Пепел взлетел вверх, закрывая небо, и он стоял, тяжело дыша, его клинок сиял в его руке. Враг отступал, но он знал – это лишь начало. Её жизнь висела на волоске, и его ярость была её щитом. Он повернулся к ней, его глаза горели решимостью. «Я не остановлюсь», – сказал он, и её слабый вздох был ответом.

Её раны кровоточили, алые пятна пачкали его броню, оставляя след на песке, что тут же впитывал её жизнь. Алексей шёл вперёд, неся её, его шаги были тяжёлыми, но твёрдыми. Каждый раз, когда её кровь капала, его сердце сжималось – это было напоминанием, что он теряет её с каждым мгновением. Он остановился, опустив её на песок, и сорвал ещё один кусок плаща, чтобы затянуть её раны. Её кожа была холодной, но она всё ещё дышала, её грудь взды-

малась слабо. «Ты выдержишь», – произнёс он, его голос был как приказ, но в нём дрожала мольба. Она открыла глаза, её взгляд был мутным, но твёрдым. «Я с тобой», – прошептала она, и её слова вонзились в него, как стрела. Он завязал ткань, её кровь пропитала его руки, и он стиснул зубы, подавляя страх. Вдалеке гудело «Сердце бездны», его свет манил их, но алый след за ними был как цепь, что тянула его назад. Он поднял её снова, её тело прижалось к нему, и он шагнул к огню, его взгляд был холоден. «Ты не уйдёшь от меня», – сказал он, и её слабое сжатие его руки стало его надеждой.

«Высший разум» ожил в его голове, его голос был ясным среди хаоса: «Сердце в центре вихря, его нужно уничтожить». Алексей кивнул, его взгляд искал цель сквозь дым, пока он нёс демоницу к свету артефакта. Огонь ревел вокруг, но он сосредоточился, чувствуя её слабое дыхание у своей груди. «Как?» – спросил он мысленно, его воля билась против древнего дара. «Ваша связь – ключ», – ответил «Разум», и Алексей посмотрел на неё, её глаза были полужакрыты, но в них ещё тлела искра. «Слышишь?» – спросил он вслух, и она слабо сжала его руку, её пальцы дрожали. «Вместе», – выдохнула она, и он понял, что это их единственный шанс. «Сверхчувство» ловило ритм «Сердца» – оно было близко, окружённое магией ордена. Он шагнул вперёд, его шаги гудели по песку, и огонь лизал его доспехи. «Мы идём», – сказал он, и её слабый кивок был его компасом. «Разум» затих, оставив их с этой правдой, и Алексей двинулся к центру, его решимость была сильнее жара.

Он нёс её к центру, где «Сердце бездны» гудело, окружённое магами ордена, их белые плащи мелькали в вихре огня. Жар сжигал кожу, песок плавился под ногами, но Алексей шёл, его шаги были тяжёлыми, как судьба. Её голова лежала на его плече, её дыхание было слабым, но она всё ещё цеплялась за него. «Мы близко», – сказал он, его голос прорезал рёв пламени. Маги заметили их, их руки вспыхнули заклятиями, и волны света ударили в него, но он уклонился, прижимая её к себе. Элементали выросли из огня, их когти метили в неё, но он отбил, «Эфирный клинок» пел в его руке, защищая её жизнь. Жар душил его, пот стекал по лицу, но он шагнул вперёд, его взгляд был прикован к «Сердцу». Её рука сжала его доспех, её ногти впились в металл, и он почувствовал её волю. «Не сдавайся», – шепнул он, и её слабый вздох был ответом. Маги окружили их, их голоса сливались в гимн, но он прорвался, его тень легла на «Сердце». Это был их шаг в ад, и он знал – назад пути нет.

Демоница открыла глаза, её взгляд был мутным, но полным любви. «Живи ради нас», – прошептала она, её голос был слаб, как шёпот ветра в огне. Алексей покачал головой, его лицо исказилось от боли. «Нет без тебя», – ответил он, его слова были как клятва, вырезанная в камне. Она кашлянула, кровь пятнала её губы, и её рука дрожала, касаясь его щеки. «Ты должен», – выдохнула она, её глаза блестели от слёз, что она не могла пролить. Он прижал её к себе, чувствуя, как её сердце бьётся слабее, и его собственное готово было остановиться. «Я вытащу тебя», – сказал он, его голос ломался, но в нём была непреклонная воля. Она улыбнулась, её пальцы оставили кровавый след на его лице. «Мой герой», – прошептала она, и её слова вонзились в него глубже любого клинка. Маги окружали их, их заклятия гудели, но для него существовала только она. Он наклонился, его лоб коснулся её, и слеза упала на её кожу, шипя в жар. «Мы вместе», – произнёс он, и она кивнула, её глаза закрылись, но она всё ещё дышала.

Слеза упала с его щеки, шипя в пламени, и Алексей шепнул: «Я вытащу тебя». Его голос был твёрд, несмотря на боль, что рвала его душу. Он встал, подняв её, и шагнул к «Сердцу», его свет сиял впереди, окружённый вихрем огня. Маги ордена бросились на него, их заклятия рвали воздух, но он уклонялся, его «Эфирный клинок» отбивал свет, защищая её. Её тело было холодным в его руках, но он чувствовал её слабое дыхание, и это держало его на ногах.

«Сердце» гудело, его алый свет пульсировал, и он видел его сквозь дым – их цель, их проклятье. Слеза шипела на песке, оставляя след, как его решимость оставляла след в этом аду. Он прорвался к центру, его доспехи дымились, но он не остановился. «Держись», – сказал он, и её рука слабо сжала его. Маги окружили их, их голоса звенели, но он видел только «Сердце», его свет манил их. Он шагнул ближе, его слёзы падали, смешиваясь с её кровью, и он знал – это их последний шанс. «Мы сделаем это», – произнёс он, и её слабый вздох был его маяком.

Они достигли центра, «Сердце бездны» сияло в вихре огня, маги ордена стояли вокруг, их глаза горели фанатизмом. Алексей опустил демоницу на землю, её тело легло на песок, её дыхание было едва слышным. Его рука дрожала, но он встал, «Эфирный клинок» вспыхнул в его руке. «Сломай его», – прошептала она, её голос был слаб, но твёрд. Он кивнул, шагнув к «Сердцу», его жар обжигал кожу, но он сжал его, чувствуя, как их связь течёт в него. Маги ударили заклятиями, свет резал воздух, но он закрыл её собой, его клинок отбивал их атаки. «Вместе», – крикнул он, и её слабый голос эхом отозвался: «Вместе». Он ударил «Сердце», его треснувшая поверхность вспыхнула, и тьма вырвалась наружу, гася огонь. Маги закричали, их тела рассыпались в пепел, и Алексей упал на колени рядом с ней, его рука нашла её. «Мы сделали это», – выдохнул он, и её глаза закрылись, но её слабая улыбка осталась. Тьма рассеялась, и рассвет озарил их, их бой за жизнь только начинался.

Глава 11: Эхо древности

Алексей стоял у разбитого пьедестала, где ещё недавно пульсировало «Сердце бездны», его осколки лежали в песке, тускло мерцая в лучах рассвета. Демоница сидела рядом, прислонившись к его ноге, её дыхание было слабым, но ровным – «Сверхрегенерация» сделала своё дело, вернув её с края смерти. Пепел оседал на её чёрных волосах, смешиваясь с кровью, что всё ещё пятнала её кожу, но её алые глаза были открыты, и в них тлела искра жизни. В его голове загудел «Высший разум», голос был низким, древним, как само время, проникая сквозь усталость и боль. «Вы победили его тело, но дух «Сердца» жив», – произнёс он, и Алексей почувствовал, как холод пробежал по спине. Он опустился на колени рядом с ней, его рука легла на её плечо, и её тепло дало ему силы выслушать. «Что это значит?» – спросил он вслух, его голос был хриплым после боя, но твёрдым, как сталь. Демоница подняла взгляд, её пальцы сжали его руку, и она молчала, ожидая ответа вместе с ним. «Оно оставило след в этом мире, его эхо звучит в тенях», – продолжал «Разум», и Алексей закрыл глаза, сосредотачиваясь на этом гуле. Он чувствовал его – слабый, но настойчивый ритм, что исходил из глубин земли, из развалин их крепости, из их собственной связи. «Мы уничтожили его», – сказал он, но в его тоне была тень сомнения. «Вы сломали оболочку, но его суть ждёт», – ответил «Разум», и Алексей открыл глаза, встретившись с её взглядом. Её лицо было бледным, но решительным, и она шепнула: «Мы найдём его». Он кивнул, чувствуя, как её вера в него пробуждает его собственную силу. Песок вокруг них ещё дымился, остатки огня шипели в утреннем воздухе, и он понял – их битва не окончена. «Высший разум» затих, оставив их с этим знанием, и Алексей помог ей встать, её тело дрожало, но она держалась за него. Они стояли вместе, глядя на горизонт, где их ждала новая угроза, и гудение в его мыслях стало их проводником в этот древний зов.

«Высший разум» заговорил снова, его голос был как эхо далёких эпох, рассказывая тайну, что лежала в сердце их мира. Алексей сел на песок, усадив демоницу рядом, её голова легла на его плечо, и он слушал, чувствуя её дыхание у своей шеи. «Сердце бездны – осколок древней силы, рождённый в хаосе до времени людей и богов», – начал «Разум», и Алексей представил себе тьму, из которой возник этот артефакт, чёрную бездну, что пожирала свет. «Оно было создано для разрушения, для того, чтобы сломать порядок и вернуть мир в первозданный мрак», – продолжал голос, и он почувствовал, как её рука сжала его сильнее, словно она тоже видела эту картину. Пепел кружился вокруг них, утренний ветер поднимал его в воздух, и Алексей смотрел на осколки «Сердца», что лежали перед ним, их тусклый свет казался живым. «Мы не дадим этому случиться», – сказала она, её голос был слаб, но полон огня, что горел в её душе. Он кивнул, его пальцы переплелись с её, и он спросил «Разум»: «Почему оно выбрало нас?» Голос ответил не сразу, словно взвешивая их судьбу. «Вы – его противоположность, свет и тьма в единстве, любовь, что противостоит хаосу», – произнёс он наконец, и Алексей почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Он посмотрел на неё, её алые глаза блестели, отражая его лицо, и он понял – их связь была не случайностью, а оружием против этой древней силы. «Оно боится вас», – добавил «Разум», и Алексей стиснул зубы, его гнев смешался с гордостью. «Тогда мы уничтожим его полностью», – сказал он, и она кивнула, её слабая улыбка была как луч в этом пепельном мире. История камня раскрылась перед ними, как свиток, полный крови и теней, но их решимость стала ответом на этот вызов. Они встали, поддерживая друг друга, и посмотрели на крепость вдаль – их дом, их поле битвы, где эхо «Сердца» ещё жило.

«Высший разум» заговорил снова, его голос стал яснее, указывая путь к победе. «Сломайте его силу двоих, в центре огня», – произнёс он, и Алексей замер, чувствуя, как эти слова оседают в его душе. Он стоял рядом с демоницей, её тело опиралось на него, и он повторил слова вслух, чтобы она услышала. «В центре огня», – сказал он, и её глаза вспыхнули, несмотря на слабость. «Наша связь», – прошептала она, и он кивнул, понимая, что это их единственный шанс. Они двинулись к крепости, её шаги были медленными, но твёрдыми, и он поддерживал её, его рука крепко сжимала её талию. Песок сменился камнем, руины их дома возвышались перед ними, и он чувствовал, как эхо «Сердца» зовёт их из недр. «Как мы это сделаем?» – спросил он, и «Разум» ответил: «Ваша сила должна стать единым пламенем, светом и тенью, что сожжёт его суть». Алексей остановился, глядя на неё, и её лицо осветилось надеждой. «Моя тьма и твой свет», – сказала она, и он улыбнулся, впервые за эту ночь, чувствуя, как их связь становится осязаемой. Они дошли до зала, где когда-то нашли «Сердце», его стены были разрушены, но в центре ещё тлел огонь – остатки магии ордена. Он помог ей сесть у стены, её копьё лежало рядом, и он встал перед огнём, закрыв глаза. «Сверхчувство» ловило ритм эха, оно было слабым, но живым, и он знал – это их момент. «Мы готовы», – сказал он, и она протянула руку, её пальцы дрожали, но были твёрдыми. «Вместе», – ответила она, и он почувствовал, как их силы начинают сливаться, готовясь к ритуалу, что завершит их битву.

Демоница смотрела на него, её глаза сияли, несмотря на бледность её лица, и она сказала: «Ты сделаешь это, я знаю». Её голос был мягким, но полным непреклонной веры, и Алексей почувствовал, как тепло разлилось в его груди. Он стоял перед огнём, его «Эфирный клинок» лежал рядом, но её слова были его настоящим оружием. «Ты всегда верила в меня», – ответил он, опускаясь на колени перед ней, и взял её руку в свои. Её кожа была холодной, но её взгляд горел, как факел в ночи, и он вспомнил все их битвы, все моменты, когда она стояла рядом, даже когда мир рушился. «Потому что ты сильнее, чем думаешь», – сказала она, и её слабая улыбка осветила её лицо, как звезда в этом мраке. Он провёл пальцами по её щеке, стирая пепел, и её тепло вернулось к нему, как эхо их прошлого. «Я не смог бы без тебя», – признался он, его голос дрожал от эмоций, что он редко показывал. Она сжала его руку, её ногти впились в его ладонь, и сказала: «Мы – одно». Эти слова были их клятвой, их силой, и он почувствовал, как её вера питает его душу. Огонь трещал за его спиной, но он не отводил взгляда от неё, её глаза были его миром. «Ты моя причина жить», – сказал он, и она кивнула, её слёзы блеснули, но не упали. «Тогда живи ради нас», – прошептала она, и он встал, её вера стала его бронёй. Он повернулся к огню, готовый к ритуалу, и знал – она с ним, даже в этом испытании.

Алексей поднял руку, его голос гремел над руинами: «Ко мне!» Его зов разнёсся по пустыне, и из теней выступили их генералы – костяной бык, минотавр, хамелеон-ловкач. Демоница сидела у стены, её копьё лежало у её ног, и она добавила: «Мы идём вместе». Её голос был слаб, но твёрд, как камень, и воины кивнули, их глаза горели верностью. Костяной бык шагнул вперёд, его рога блестели в утреннем свете, и он рявкнул: «Мы готовы, владыка». Его голос был низким, как гром, и земля задрожала под его весом. Алексей посмотрел на него, чувствуя их силу, и сказал: «Мы идём в недра, чтобы сломать эхо «Сердца»». Минотавр точил топор, его мускулы напрягались, и он кивнул, его взгляд был суровым, но преданным. «Я разрублю всё, что встанет на пути», – прогудел он, и Алексей хлопнул его по плечу, их братство было нерушимым. Хамелеон-ловкач скользнул из тени, его шипящий голос добавил: «Я найду его след». Алексей кивнул, зная, что их разведчик не подведёт. Демоница поднялась, опираясь на копьё, и её присутствие вдохновило всех. «Это наш последний поход», – сказала она, и её слова повисли в воздухе, как клятва. Огонь трещал в центре зала, и Алексей указал на него: «Там мы закончим это». Генералы выстроились за ними, их шаги гудели в унисон, и он почувствовал,

как их единство становится их щитом. «Вперёд», – сказал он, и они двинулись к недрам, их тени слились в одно целое.

Перед походом они уединились в тронном зале, его разрушенные стены пропускали звёздный свет, и демоница легла на его грудь, её волосы струились по его доспехам. Алексей обнял её, чувствуя её тепло, и тишина окутала их, как одеяло. «Мы выстояли», – шепнула она, её голос был мягким, как шёлк, и он гладил её волосы, ощущая их мягкость под своими пальцами. «Благодаря тебе», – ответил он, его голос был низким, полным благодарности, и он вспомнил её падение, её кровь, её веру. Она подняла голову, её алые глаза нашли его, и она сказала: «Я мечтала о мире, где мы свободны». Её слова были как звёзды, что сияли над ними, и он улыбнулся, его рука легла на её щеку. «Мы построим его», – пообещал он, и её губы дрогнули в улыбке. Они молчали, слушая дыхание друг друга, и он чувствовал, как её сердце бьётся в такт с его. «Ты помнишь наш первый бой?» – спросила она, и он кивнул, вспоминая её танец с копьём, её смех в ночи. «Ты была как буря», – сказал он, и она засмеялась тихо, её смех был музыкой в этом мраке. Они лежали так долго, звёзды светили сквозь трещины, и он шепнул: «Я люблю тебя». Она прижалась ближе, её губы коснулись его шеи, и ответила: «И я тебя». Это была их ночь, их нежность перед бурей, и он знал – она его сила.

Алексей смотрел в темноту зала, звёзды гасли за тучами, и его сердце сжалось от внезапного страха. «А если я потеряю её?» – подумал он, и эта мысль была как нож, что вонзился в его душу. Демоница спала рядом, её дыхание было спокойным, её лицо – мирным, и он не мог отвести взгляд. Он вспомнил её падение в огне, её кровь на его руках, и его пальцы сжались в кулак. «Я не переживу этого снова», – прошептал он себе, и тень сомнений выросла в его груди, как буря. Он встал, его шаги были тихими, и подошёл к окну, глядя на руины их мира. Ветер нёс пепел, и он чувствовал, как эхо «Сердца» зовёт его, насмехаясь над его страхом. «Я не могу её потерять», – сказал он вслух, и его голос дрогнул, выдавая слабость, что он скрывал. Она шевельнулась во сне, её рука потянулась к нему, и он вернулся, опустившись рядом. «Ты сильнее этого», – прошептал он ей, хотя говорил это себе. Он лёг, обняв её, и её тепло прогнало тень, но сомнения остались, как шёпот в ночи. «Я защищу её», – поклялся он, и его воля стала его щитом против этого страха.

Утро пришло с рёвом рогов, их звук разнёсся над руинами, и армия выстроилась у ворот. Алексей стоял в доспехах, его «Эфирный клинок» сиял на поясе, и демоница была рядом, её плащ развеялся на ветру, копьё блестело в её руке. «Сегодня мы идём в недра», – сказал он, его голос гремел, как гром, и воины поднимали оружие, их крики слились в единый рёв. Костяной бык шагал впереди, его рога отбрасывали тень, и он рявкнул: «За владыку!» Минотавр встал рядом, его топор сверкал, и он добавил: «За империю!» Хамелеон-ловкач скользнул в строй, его глаза блестели, готовые к разведке. Демоница подняла копьё, её «Свет теней» вспыхнул, и она крикнула: «За наш дом!» Их тени были длинными в лучах солнца, и Алексей шагнул вперёд, его взгляд был суровым, но полным огня. «Мы сломаем эхо «Сердца»», – сказал он, и армия двинулась за ними, их шаги гудели по земле. Пепел оседал на их доспехи, но они шли, их решимость была как сталь. Это был их рассвет, их марш к победе, и он знал – они не отступят.

Они шли рука об руку, их пальцы сплетены, и Алексей чувствовал её тепло сквозь перчатку. Их шаги гудели в унисон с армией, но для него существовала только она. «Мы сильнее вместе», – шепнул он, и её глаза встретили его, её взгляд был полон любви и силы. «Всегда», – ответила она, и её голос был как свет в этой тьме. Они дошли до входа в недра, его чёрная пасть зияла перед ними, и он остановился, глядя на неё. «Это наш путь», – сказал он, и она кивнула, её копьё сверкнуло в её руке. Армия стояла за ними, их дыхание было тяжёлым, но

твёрдым, и он почувствовал, как их связь – его и её – становится их бронёй. «Я не боюсь, пока ты со мной», – сказала она, и он улыбнулся, его рука сжала её сильнее. «И я с тобой», – ответил он, и они шагнули в темноту, их тени слились в одно. Эхо «Сердца» гудело внизу, но их единство было сильнее этого зова. «Мы закончим это», – сказал он, и она кивнула, её «Свет теней» осветил путь. Они шли вперёд, их души были едины, и он знал – их любовь победит любое зло.

Глава 12: Ночной штурм (4375 слов)

Ночь упала на пустыню, как тяжёлое одеяло, звёзды скрылись за тучами, и только слабый свет луны пробивался сквозь мрак, освещая песок тусклым серебром. Алексей стоял на краю дюны, его доспехи звякали от лёгкого ветра, а рядом демоница сжимала своё копьё, её чёрный плащ сливался с тенями, делая её почти невидимой. Внизу раскинулся лагерь ордена «Света Пепла» – шатры белели в темноте, факелы мигали, как глаза хищников, а стражи в белых плащах ходили вдоль баррикад, их шаги оставляли следы в песке. Армия собралась за ними: костяной бык дышал паром, его рога отбрасывали длинные тени, минотавр сжимал топор, его мускулы напрягались в предвкушении, а хамелеон-ловкач исчез в ночи, разведывая путь. Алексей посмотрел на демоницу, её алые глаза блестели в темноте, и он почувствовал её тепло, её решимость, что текла через их связь. «Сегодня мы заберём «Сердце», – сказал он тихо, его голос был как сталь, прорезающая тишину. Она кивнула, её пальцы сжали его руку, и её голос, мягкий, но твёрдый, ответил: «И их жизни с ним». Ветер принёс запах дыма и металла, и он знал – враг близко, их цель сияет где-то в центре лагеря. Он поднял руку, сигнал для армии, и прошептал: «Начнём». Тени зашевелились, их движение было бесшумным, как дыхание смерти, и Алексей шагнул вперёд, ведя её за собой, их единство стало их оружием в этой ночной атаке.

Песок взлетел в воздух, когда костяной бык рванулся вниз с дюны, его рога опустились, как таран, готовый сокрушить всё на своём пути. Алексей следовал за ним, его сапоги утопали в песке, но он держал шаг, а демоница двигалась рядом, её копьё блестело в слабом свете факелов. Бык врезался в баррикады лагеря, деревянные колья затрещали, разлетаясь в щепки, и крики стражей ордена разорвали ночь, полные ужаса и ярости. Его массивное тело проломило первую линию обороны, песок и кровь смешались под его копытами, а враги в белых плащах бросились навстречу, их мечи сверкали в темноте. Алексей видел, как бык рывкнул, его голос был как гром в пустыне, и один из рыцарей рухнул, пронзённый рогом, его белый плащ окрасился алым. Демоница улыбнулась, её взгляд был острым, как лезвие, и она сказала: «Он наш ветер». Алексей кивнул, чувствуя, как сила их генерала открывает путь, и махнул рукой, призывая минотавра и остальных. Топот быка гудел в земле, его мощь была их сигналом, и лагерь ордена ожил, как потревоженный улей, факелы заколыхались, а тени врагов бросились к пролому. Алексей сжал «Эфирный клинок», его сияние вспыхнуло в ночи, и он шагнул за быком, готовый пролить кровь тех, кто угрожал их дому. Демоница последовала, её движения были грациозны, как танец, и вместе они вошли в хаос, что развернулся под чёрным небом.

Лагерь взорвался звуками боя, мечи ордена сверкали в свете факелов, сталкиваясь с их армией в яростной схватке. Алексей рванулся вперёд, его «Эфирный клинок» пел в воздухе, отсекая руку рыцаря в белом плаще, чья кровь брызнула на песок, как тёмный дождь. Демоница была рядом, её копьё мелькало в ночи, пронзая доспехи с точностью змеиного укуса, и каждый её удар оставлял за собой крик боли и шорох падающего тела. Рыцари ордена бросились на них толпой, их мечи звенели, отражая свет, а их голоса выкрикивали молитвы, полные фанатизма. Алексей уклонился от удара, чувствуя, как лезвие просвистело у его лица, и ответил резким выпадом, пробивая грудь врага, чьи глаза погасли в мгновение. Демоница крутнулась, её плащ взлетел, как крылья ворона, и копьё вонзилось в горло другого рыцаря, его белый плащ упал в грязь, пропитанный кровью. «Они слабы перед нами», – крикнула она, её голос был как музыка в этом хаосе, и Алексей улыбнулся, чувствуя её огонь рядом. Их движения слились в ритм боя, его клинок и её копьё работали в унисон, отражая атаки и разрывая строй врагов. Песок под

ногами стал скользким от крови, факелы падали, шипя в лужах, и блеск мечей ордена мерк перед их яростью. Они пробивались глубже, их тени плясали в ночи, и каждый удар был шагом к «Сердцу бездны».

Алексей увидел его – «Сердце бездны» сияло в центре лагеря, его алый свет пульсировал в руках жреца ордена, стоявшего у шатра, окружённого стражами. Песок хрустел под его ногами, он рванулся вперёд, его взгляд был прикован к артефакту, что звал его, как древний голос. Демоница бежала рядом, её копьё отбило копьё врага, что летело в него, и она крикнула: «Иди! Я прикрою!» Её голос был резким, полным силы, и он кивнул, доверяя ей свою спину. Рыцари ордена бросились наперерез, их белые плащи мелькали в темноте, но Алексей пробивался сквозь них, его «Эфирный клинок» разрезал воздух, оставляя за собой тела и крики. Он чувствовал жар «Сердца», его ритм бил в его «Сверхчувстве», и каждый шаг приближал его к цели. Демоница была за ним, её «Свет теней» вспыхивал, отбрасывая врагов, и её движения были как буря, сметающая всё на пути. Жрец поднял голову, его глаза горели фанатичным светом, и он выкрикнул заклятие, от которого воздух задрожал, но Алексей не остановился. Он видел только «Сердце», его силу, что могла разрушить их мир, и его решимость стала стальной. «Мы заберём его!» – крикнул он ей, и она ответила: «Вместе!» Их рывок был отчаянным, их связь – их щитом, и они прорывались к центру, где судьба ждала их в этом ночном аду.

Хаос боя накрыл их, как волна, и вдруг тени ордена выросли вокруг демоницы, их движения были быстрыми, как ветер. Алексей увидел это слишком поздно – цепи зазвенели, обвивая её запястья, и её копьё упало в песок с глухим стуком. Она крикнула его имя, её голос разорвал ночь, полный ярости и страха: «Алексей!» Он обернулся, его сердце замерло, когда он увидел, как её утаскивают в толпу врагов, её чёрные волосы мелькнули в темноте, а алые глаза встретились с его на мгновение, полные отчаяния. Рыцари в белых плащах сомкнулись вокруг неё, их мечи поднялись, защищая добычу, и жрец ордена шагнул вперёд, его рука сжимала «Сердце», а другая указала на неё. «Она наша!» – выкрикнул он, и Алексей рванулся к ней, его «Эфирный клинок» вспыхнул, разрубая первого врага, что встал на пути. Но их было слишком много, они оттесняли его, их цепи звенели, утягивая её дальше, и её крик затих, заглушённый шумом боя. Песок взлетел под его ногами, он чувствовал её страх через их связь, её боль, и его грудь сжалась от ужаса. «Верните её!» – рявкнул он, но тени ордена растворились в ночи, унося её прочь. Он стоял, тяжело дыша, его клинок дрожал в руке, а её копьё лежало у его ног, одинокое и молчаливое. Она была в плену, и его мир рухнул в этот миг.

Ярость вспыхнула в нём, как пожар, и Алексей выпустил её наружу, его голос разорвал ночь: «Верните её!» Он поднял «Эфирный клинок», и «Эфирный взрыв» родился в его руках – волна голубого света рванулась вперёд, сметая рыцарей ордена, как сухую траву. Песок взлетел в воздух, тела врагов разлетелись, их крики заглохли в грохоте, а факелы погасли, шипя в лужах крови. Его грудь вздымалась, гнев тек по венам, как раскалённая сталь, и он шагнул вперёд, его глаза горели, выискивая её след в этом хаосе. Костяной бык рявкнул рядом, его рога сокрушили ещё одного врага, но Алексей не видел ничего, кроме пустоты, где она была мгновение назад. Дым рассеялся, и он понял – её унесли, её тепло исчезло из его «Сверхчувства», и его разум затопила боль. Он ударил кулаком в песок, его голос сорвался: «Я найду тебя!» Рыцари ордена отступали, их белые плащи мелькали в темноте, но он не мог их догнать, его силы уходили на этот взрыв, что оставил его дрожащим. Минотавр подбежал, его топор был в крови, и он прогудел: «Мы их найдём, владыка». Но Алексей лишь кивнул, его взгляд был прикован к горизонту, где её увели, и его гнев стал его единственным спутником в этой ночи.

Орден отступал к горам, их шаги оставляли след в песке – тонкую линию, что вела в темноту, как нить судьбы. Алексей стоял над этим следом, его дыхание было тяжёлым, а «Эфирный клинок» всё ещё сиял в его руке, отражая слабый свет луны. Песок оседал вокруг, лагерь ордена горел, шатры пылали, как факелы, но его глаза видели только её – её лицо, её крик, её исчезновение. Костяной бык подошёл, его рога были в крови, и он рявкнул: «Мы идём за ней?» Алексей кивнул, его голос был холоден, как сталь: «Да». Минотавр и хамелеон-ловкач собрались рядом, их взгляды были суровыми, но полными веры, и он чувствовал их поддержку, их готовность следовать за ним в этот ад. Пыльный след вёл к горам, где тени ордена скрылись, унося демоницу и «Сердце бездны», и он знал – это их план, их ловушка. Но его любовь к ней была сильнее страха, сильнее усталости, что сковывала его тело. Он поднял её копьё, что лежало в песке, и сжал его в руках, чувствуя её тепло, что ещё жило в нём. «Я иду за тобой», – прошептал он, и его голос растворился в ветре. Генералы ждали его приказа, но он уже сделал выбор – её спасение стало его войной.

Алексей шагнул вперёд, его сапоги оставляли глубокие следы в песке, а ночь обнимала его, как холодный плащ. Он повернулся к генералам, его голос был твёрд, несмотря на боль в груди: «Я верну её. Оставайтесь здесь, держите крепость». Костяной бык рявкнул в знак согласия, его пар вырывался в воздух, минотавр кивнул, его топор опустил в песок, а хамелеон-ловкач шипнул: «Мы ждём вас». Алексей посмотрел на них, чувствуя их веру, их силу, но его сердце тянулось к ней, к той, что была его половиной. Он сжал её копьё, его пальцы дрожали, и шагнул к горам, где пыльный след исчезал в темноте. Песок скрипел под ногами, ветер нёс запах крови и пепла, но он не оглядывался – его путь был одиноким, его решимость была его светом. Он думал о ней, о её смехе в тронном зале, о её тепле в их ночах, и эти воспоминания гнали его вперёд, как факел в ночи. «Я не оставлю тебя», – прошептал он, и его слова унеслись в пустыню. Тени гор выросли перед ним, их силуэт был суровым и молчаливым, но он не боялся – его любовь была его бронёй. Он шёл один, но её образ был с ним, и это давало ему силы для этого пути.

Генералы стояли у догорающего лагеря, их фигуры чернели на фоне пламени, а их взгляды провожали Алексея, пока он исчезал в ночи. Костяной бык топнул копытом, песок взлетел, и он прогудел: «Он вернётся с ней». Минотавр кивнул, его топор лежал у ног, а хамелеон-ловкач скользнул в тень, его глаза блестели, как угли, и он прошипел: «Мы держим дом». Огонь трещал, пожирая шатры ордена, и их тени дрожали в этом свете, но их вера в Алексея была непоколебима. Он шёл к горам, его силуэт растворился в темноте, и ночь поглотила его, как волна. Его мысли были только о ней – о её алых глазах, что смотрели на него с такой любовью, о её голосе, что звал его в этом хаосе. Песок оседал за его спиной, следы вели вперёд, и он знал – это его испытание, его битва. Генералы повернулись к крепости, их шаги гудели в унисон, готовые защищать их дом, пока он не вернётся. Алексей чувствовал их поддержку, их силу, что осталась позади, но его сердце было впереди, там, где она ждала его. Горы звали, их тени скрывали её, и он шагнул в этот мрак, его любовь была его проводником, его клятва – его целью.

Глава 13: Тропа в горы (8750 слов)

Алексей шагнул на тропу, что вилась между скалами, и ледяной ветер ударил ему в лицо, словно когтистая лапа, хлеща его кожу и заставляя глаза слезиться от холода. Его доспехи звякали под порывами, а плащ трепетал за спиной, как рваное знамя, но он упрямо шёл вперёд, сжимая её копьё в руках – единственное, что осталось от неё после ночного штурма. Горы возвышались вокруг, их серые пики пронзали низкие тучи, и снег кружился в воздухе, оседая на его плечах, как пепел давно сторевавшего мира. Он думал о демонице, о том, как её увели в цепях, её крик всё ещё звучал в его ушах, и это воспоминание гнало его вперёд, несмотря на усталость, что сковывала его тело после боя. Ветер выл в ущельях, его голос был как плач, но Алексей не слушал – его «Сверхчувство» ловило слабый отголосок её присутствия где-то там, в глубине гор. Он остановился, прижав копьё к груди, и закрыл глаза, представляя её лицо – её алые глаза, что всегда находили его в темноте, её улыбку, что согревала его в самые холодные ночи. «Я найду тебя», – прошептал он, и его слова унеслись в пустоту, растворяясь в вое ветра. Холод пробирал до костей, его дыхание вырывалось облачками пара, но он шагнул дальше, его шаги были тяжёлыми, но твёрдыми, как камень под ногами. Горы молчали, их тени падали на тропу, но он не боялся – её тепло жило в его сердце, и это было его единственным светом в этом ледяном аду. Он знал, что орден ушёл сюда, унося её и «Сердце бездны», и каждый шаг приближал его к ней, к их общей судьбе. Ледяной ветер бил в спину, но он не оглядывался – его путь лежал вперёд, к той, что была его жизнью.

Тропа вилась между скал, её камни были скользкими от льда и покрыты следами ордена – глубокие вмятины от сапог, пятна крови, что замерзли в трещинах, и обрывки белых плащей, зацепившиеся за острые края. Алексей шёл по этому пути, его взгляд был прикован к земле, выискивая каждый знак, что мог привести его к демонице. Его сапоги хрустели по льду, дыхание было тяжёлым, но он не останавливался, сжимая её копьё, как талисман, что держал его на ногах. Он видел её в каждом шаге – её грацию, её силу, её тень, что осталась в этих следах, и это подгоняло его, как невидимая рука. Ветер нёс запах металла и пепла, и он знал – орден был близко, их лагерь где-то впереди, скрытый в этих горах. Он остановился у камня, где кровь замерзла в виде длинной полосы, и провёл по ней пальцем, чувствуя её боль, её борьбу. «Ты жива», – прошептал он, и его голос дрожал от надежды и страха. Каменный путь был суров, его изгибы прятали ловушки, но он шёл, его «Сверхчувство» ловило слабые отголоски её присутствия, как нить, что вела его через этот лабиринт. Он вспоминал их ночи в крепости, её мягкий голос, что шептал ему о будущем, и эти воспоминания были как маяк, что светил в темноте. Скалы вокруг молчали, их тени падали на тропу, но он не терял её следа – каждая капля крови, каждый обрывок ткани был для него картой, что вела к ней. Его грудь сжималась от холода и усталости, но он шёл, его шаги были как ритм его сердца, что билось ради неё. Каменный путь был его испытанием, но он не сдастся – её образ был его силой, его целью, и он не остановится, пока не найдёт её.

Тропа сузилась, и из скал внезапно выросли фигуры – каменные големы, их тела были высечены из гранита, а глаза горели тусклым светом, как угли в ночи. Алексей замер, его рука сжала «Эфирный клинок», и он почувствовал, как воздух задрожал от их шагов, что сотрясали землю. Первый голем рванулся к нему, его кулак размером с валун обрушился вниз, но Алексей уклонился, песок взлетел под его ногами, и он ударил в ответ, его клинок вспыхнул, врезавшись в каменную плоть. Искры полетели в темноте, треск камня эхом отразился от скал, и голем пошатнулся, но не упал. Второй бросился с другой стороны, его рёв был как гул лавины, и

Алексей крутнулся, уходя от удара, что расколол тропу там, где он стоял мгновение назад. Он сражался, его движения были быстрыми, но точными, каждый удар клинка оставлял трещины на их телах, и он думал о ней – о её копье, что лежало в его руке, о её силе, что вдохновляла его. «Я не паду здесь!» – крикнул он, и его голос разорвал ночь, заглушая вой ветра. Големы наступали, их кулаки били землю, но он уклонялся, его «Сверхчувство» предугадывало их атаки, и он бил в ответ, его клинок пел, разрубая камень. Один рухнул, его тело рассыпалось в пыль, но второй схватил его за плечо, его пальцы сжались, как тиски, и Алексей рывкнул, вырвавшись, его клинок вонзился в грудь твари, разрывая её надвое. Пыль осела, и он стоял, тяжело дыша, его грудь вздымалась, а кровь текла из царапин на руках. Он сжал её копье, её образ дал ему силы, и он шагнул вперёд, оставив стражей гор позади – её спасение было его победой.

Тропа расширилась, и Алексей остановился, чувствуя, как гнев и усталость борются в его теле. Он посмотрел на свои руки, сжатые в кулаки, и вызвал «Силу молота» – древнюю мощь, что текла в его венах, как раскалённая река. Его кулаки засветились голубым сиянием, и он шагнул к следующему голему, что вырос перед ним, его каменное тело было выше предыдущих, а глаза горели ярче. Он ударил, его кулак врезался в грудь твари, и звук был как гром, раскалывающий небо – камень треснул, голем отшатнулся, его рёв эхом ушёл в горы. Алексей бил снова и снова, его кулаки ломали гранит, как сухую глину, и каждый удар был криком его души, что звала её. Пыль поднялась вокруг, скалы дрожали, и он видел её лицо в этом хаосе – её улыбку, её тепло, что гнало его вперёд. Второй голем бросился на него, его кулак обрушился сверху, но Алексей встретил его своим, их силы столкнулись, и воздух взорвался искрами, земля под ногами треснула. Он рывкнул, его «Сила молота» разорвала каменную руку врага, и тот рухнул, его тело рассыпалось в обломки, что покатались в пропасть. Пот стекал по его лицу, его грудь вздымалась, но он не остановился – её образ был его топливом, её любовь – его оружием. Он шёл дальше, его кулаки всё ещё сияли, оставляя за собой след из разбитого камня, и он знал – каждый удар приближал его к ней, к той, что ждала его в этом ледяном аду.

Тропа вывела его к узкому ущелью, и в этот миг «Высший разум» заговорил в его голове, его голос был низким, как гул далёкого грома: «Цитадель впереди, она там». Алексей замер, его взгляд устремился к горизонту, где горы смыкались, скрывая тайну ордена. Он чувствовал её – слабый отголосок её присутствия, что дрожал в его «Сверхчувстве», и это было как нить, что тянула его вперёд. «Где именно?» – спросил он вслух, и «Высший разум» ответил: «За перевалом, в сердце камня». Он кивнул, его сердце забилось быстрее, и он шагнул в ущелье, его шаги эхом отдавались от стен. Ветер стих, тишина накрыла его, и он слышал только своё дыхание да гул разума, что шептал ему о её судьбе. Он думал о ней, о том, как она сражалась рядом с ним в лагере, её копье мелькало в ночи, и её крик, когда её увели, разрывал его душу. «Она жива», – сказал он себе, и «Высший разум» подтвердил: «Её сила держит её». Это дало ему надежду, его шаги ускорились, и он сжал её копье, чувствуя её тепло в холодном металле. Скалы вокруг молчали, их тени падали на тропу, но он видел её в своём разуме – её алые глаза, что смотрели на него с верой, и это было его компасом. Гул разума стих, оставив его с её образом, и он шёл, его воля была как сталь, что вела его к цитадели, где она ждала его.

Алексей присел на выступ скалы, его тело дрожало от холода и усталости, но он закрыл глаза, позволяя её образу заполнить его разум. Он видел её в тронном зале, её смех звенел, как колокольчики, когда она дразнила его за его грандиозные планы, её чёрные волосы падали на плечи, а алые глаза сияли теплом. Он вспоминал их ночи, её мягкий голос, что шептал ему о будущем, её тепло, что обнимало его, когда звёзды светили над крепостью. «Я иду», – прошептал он, и его голос растворился в тишине гор. Он открыл глаза, глядя на её копье, что

лежало у его ног, и провёл пальцем по его древку, чувствуя её силу, что осталась в нём. Эти воспоминания были его топливом, его светом в этом мраке, и он знал – она ждёт его, её вера в него была как нить, что связывала их через горы. Он думал о том, как она закрыла его собой в бою, её отвага, что спасла его, и его сердце сжалось от любви и страха. «Ты моя жизнь», – сказал он в пустоту, и ветер унёс его слова, как обещание. Скалы вокруг молчали, их тени падали на него, но он встал, его шаги были твёрдыми, её образ гнал его вперёд, и он шёл, его душа тянулась к ней сквозь этот холодный ад.

Тропа оборвалась, и скала под ногами треснула, рушась в пропасть с глухим грохотом. Алексей упал, его руки вцепились в выступ, пальцы кровоточили, цепляясь за ледяной камень, а её копьё соскользнуло вниз, звеня о скалы. Он висел над бездной, его дыхание было тяжёлым, а ветер выл внизу, как голодный зверь. Камни сыпались в темноту, их эхо уходило вглубь, и он чувствовал, как силы уходят из его рук. Но он думал о ней, о её крике в лагере, о её тепле, что ждало его впереди, и это дало ему волю. Он рывкнул, подтягиваясь вверх, его мускулы дрожали, а кровь текла по пальцам, но он лез, его «Сверхчувство» искало опору. Он нашёл трещину, вцепился в неё, и медленно, шаг за шагом, выбрался на тропу, его грудь вздымалась, а пот замерзал на его лице. Копьё лежало внизу, в пропасти, и он посмотрел на него, его сердце сжалось – это была её часть, что он потерял. «Прости», – прошептал он, но он знал – её спасение важнее, и он встал, его шаги были медленными, но твёрдыми. Пропать осталась позади, её ловушка не сломала его, и он шёл дальше, её жизнь была его целью, его любовью, что вела его через этот ад.

Туннель открылся перед ним, и стражи ордена ждали его там – их копья блестели в тусклом свете факелов, а белые плащи были запятнаны кровью. Алексей рванулся вперёд, его «Эфирный клинок» вспыхнул в руке, и первый удар разрубил копьё врага, вонзившись в его грудь. Кровь брызнула на стены, крик заглох в туннеле, и он шагнул дальше, его гнев был как буря, что рвала их строй. Второй страж бросился на него, его копьё метило в горло, но Алексей уклонился, его клинок рассёк воздух, и голова врага покатилась по камням. Он сражался, его движения были яростными, каждый удар был для неё, каждый крик врага – шагом к ней. Их было шестеро, они окружили его, их копья звенели, но он крутился, как вихрь, его клинок пел, разрубая доспехи и плоть. Кровь текла по полу, её запах смешивался с холодом туннеля, и он рычал, его голос эхом отражался от стен: «Где она?!» Один из стражей упал, его копьё сломалось под его ударом, и он шагнул вперёд, его клинок вонзился в последнего, чьи глаза погасли в страхе. Туннель затих, тела лежали вокруг, и он стоял, тяжело дыша, его клинок капал кровью. Он шёл к ней, каждый шаг был ближе, и её образ был его силой в этом кровавом аду.

Туннель закончился, и перед ним выросла цитадель ордена – её башни чернели на фоне неба, их силуэт был суровым, как сама смерть. Алексей стоял у входа, его грудь вздымалась, а «Эфирный клинок» сиял в его руке, отражая слабый свет луны, что пробивался сквозь тучи. Он чувствовал её за этими стенами, её тепло, что дрожало в его «Сверхчувстве», и его сердце забилося быстрее. «Я здесь», – сказал он, и его голос был твёрд, как камень под ногами. Дверь цитадели была массивной, её металл покрыт рунами, что слабо светились, но он шагнул к ней, его рука легла на холодную поверхность. Он думал о ней, о её алых глазах, что смотрели на него в их последнюю ночь, о её голосе, что звал его в бою, и это дало ему силы. Он ударил «Эфирным клинком», его сияние врезалось в металл, и дверь задрожала, трещины побежали по ней, как паутина. Он бил снова, его гнев и любовь слились в каждом ударе, и дверь рухнула, её обломки загремели в ночи. Он шагнул внутрь, его шаги эхом отдавались в пустоте, и он знал – она близко, её судьба ждала его за этими стенами. Горы молчали позади, их тени остались на тропе, но он шёл вперёд, его любовь была его оружием, его клятва – его путём.

Глава 14: Алтарь крови

Алексей ворвался в главный зал цитадели, его сапоги гулко ударялись о каменный пол, покрытый трещинами и пятнами старой крови, а «Эфирный клинок» в его руке сиял голубым светом, отбрасывая блики на чёрные стены, увешанные цепями и ржавыми крюками. Перед ним раскинулся круг смерти – жертвенный алтарь, высеченный из обсидиана, его края были испещрены рунами, что слабо пульсировали алым, как живые вены. В центре лежала она – демоница, её тело было распростёрто на холодном камне, руки и ноги скованы цепями, что впивались в её кожу, оставляя кровавые следы. Её чёрные волосы разметались по алтарю, её грудь едва поднималась, а кожа была бледнее, чем он когда-либо видел, словно жизнь утекала из неё с каждой каплей крови, что стекала в медную чашу под алтарём. Её алые глаза, обычно такие яркие, были закрыты, веки дрожали, как будто она боролась с тьмой, что тянула её к себе. Алексей замер, его сердце сжалось, как будто его сдавили ледяные тиски, и он крикнул её имя – его голос разорвал гнетущую тишину зала, эхом отражаясь от сводов, где тени плясали в свете факелов. Он бросился к ней, его шаги были быстрыми, отчаянными, каждый звук его доспехов был как удар молота, что бил по его собственной душе. Он видел её раны – глубокие порезы на запястьях, откуда кровь текла тонкими струями, её дыхание было слабым, почти неслышным, и это зрелище разрывало его изнутри. Он вспоминал её смех в тронном зале, её мягкий голос, что шептал ему о будущем, её тепло, что обнимало его в ночи, и теперь всё это было под угрозой – её жизнь висела на волоске, и он был единственным, кто мог её спасти. Стражи ордена выросли перед ним, их белые плащи развевались, как саваны, а копья блестели в тусклом свете, но он не остановился – его «Эфирный клинок» вспыхнул ярче, и он рванулся вперёд, его гнев был как буря, что сметала всё на своём пути. Первый страж упал, его копьё сломалось под ударом, кровь брызнула на алтарь, смешиваясь с её кровью, и Алексей рычал, пробиваясь к ней. Он видел её лицо, её закрытые глаза, и это было как нож в его сердце – он должен был успеть, он не мог потерять её, не теперь, не после всего, что они прошли вместе. Его шаги гремели, его клинок пел, и он знал – каждый удар приближал его к ней, к той, что была его жизнью, его светом в этом мраке. Зал дрожал от его ярости, цепи звенели, как эхо его боли, но он не останавливался – её спасение было его единственной целью, и он не сдастся, пока не вырвет её из этого круга смерти.

Над алтарём возвышалась фигура в чёрной мантии, её края были пропитаны кровью, что стекала с его рук, сжимавших длинный ритуальный кинжал, покрытый гравировкой древних символов. Верховный жрец ордена «Света Пепла» стоял перед демоницей, его лицо скрывала маска из полированного железа, в прорезях которой горели глаза – холодные, как лёд, и полные фанатичной ярости. Его голос, низкий и гулкий, разнёсся по залу, произнося слова заклинания на языке, что звучал как скрежет металла о камень, и с каждым слогом руны на алтаре вспыхивали ярче, вытягивая из неё жизнь. Алексей остановился, его взгляд встретился с глазами жреца, и он почувствовал, как холод пробежал по его спине – это был не просто человек, это был проводник тьмы, что питалась её кровью. «Ты опоздал, владыка теней», – прорычал жрец, его голос был как удар грома, и он поднял кинжал, готовясь вонзить его в её сердце. Алексей рванулся вперёд, его «Сверхчувство» ловило каждый звук, каждое движение, и он видел, как лезвие опускалось к её груди, медленно, но неотвратно. Он вспоминал её – её силу, её грацию, её тепло, что согревало его в самые тёмные ночи, и теперь этот фанатик хотел отнять её у него, принести в жертву ради своей безумной веры. Его гнев вспыхнул, как огонь, и он крикнул: «Ты не тронешь её!» – его голос эхом разнёсся по залу, заглушая заклинание. Жрец повернулся к нему, его маска отразила сияние «Эфирного клинка», и он ударил заклятием –

луч света вырвался из его руки, ослепляя и обжигая, но Алексей уклонился, его тело двигалось быстрее мысли, и он бросился к алтарю. Стражи ордена встали на его пути, их копья метили в него, но он сражался, его клинок рассекал воздух, разрубая доспехи и плоть, кровь брызгала на стены, и он пробивался к ней, шаг за шагом. Жрец засмеялся, его смех был как скрежет, и он сказал: «Её кровь – ключ к нашей победе», – но Алексей не слушал, его разум был полон её образа, её алых глаз, что смотрели на него с верой. Он ударил клинком в одного из стражей, тот рухнул, хрипя, и он шагнул ближе, его грудь вздымалась, пот стекал по лицу, но он не останавливался. Жрец поднял руку, новый луч света метнулся к нему, но Алексей встретил его «Эфирным барьером», сияние отразило атаку, и зал задрожал от столкновения сил. Он видел её – её слабое дыхание, её кровь, что текла в чашу, и это гнало его вперёд, его любовь была его оружием, его ярость – его щитом. Он не даст жрецу завершить ритуал, он не даст ей умереть – она была его всем, и он сражался за неё, как никогда прежде.

Алексей рванулся к алтарю, его рёв сотряс стены цитадели, как раскат грома, что разрывал небо, и этот звук был полон ярости, боли и отчаяния, что горели в его груди. Его «Эфирный клинок» пылал ярче, чем когда-либо, его свет резал тьму зала, и он бросился на жреца, его шаги были как удары судьбы, что приближали конец этого кошмара. Жрец встретил его заклятием – волна света вырвалась из его рук, её жар опалил воздух, и она устремилась к Алексею, но он уклонился, его тело двигалось с нечеловеческой скоростью, а «Сверхчувство» предугадывало каждый шаг врага. Он вспоминал её – её голос, что звал его в бою, её тепло, что обнимало его в ночи, её силу, что стояла рядом с ним против всех врагов, и теперь она лежала там, беспомощная, её жизнь утекала с каждой секундой. Его рёв был не просто звуком – это был вызов, крик его души, что#### (отказывалась сдаваться), и он пробивался к ней, его клинок мелькал в воздухе, как молния. Стражи ордена бросились на него, их копья звенели, их белые плащи развевались, но он сражался, его движения были яростными, каждый удар был для неё, каждый крик врага – шагом к её спасению. Он разрубил одного, его кровь брызнула на алтарь, другой упал, его копьё сломалось под его ударом, и он шёл вперёд, его гнев был как буря, что рвала их строй. Жрец ударил снова, свет хлестнул по полу, раскалывая камень там, где Алексей стоял мгновение назад, но он прыгнул в сторону, его доспехи звякнули, и он бросился к алтарю, его взгляд был прикован к ней. Её грудь едва поднималась, её кровь текла в чашу, и он видел, как руны на алтаре вспыхивали ярче, вытягивая её жизнь. «Ты не заберёшь её!» – крикнул он, и его голос был как гром, что заглушал заклинания жреца. Он ударил клинком по цепям, что сковывали её, искры полетели в темноте, металл затрещал, но не поддался – магия ордена была сильна. Он бил снова, его рёв эхом отражался от стен, и он чувствовал, как её тепло зовёт его, её присутствие дрожало в его «Сверхчувстве». Стражи окружили его, их копья метили в спину, но он крутнулся, его клинок пел, разрубая их, и кровь текла рекой, её запах смешивался с холодом зала. Он не остановится, он не сдастся – её жизнь была его целью, её любовь – его силой, и он шёл к ней, его рёв был как гимн их общей судьбе.

Алексей стоял перед жрецом, его «Эфирный клинок» сиял в руке, отражая тусклый свет факелов, что дрожали на стенах, а воздух между ними дрожал от напряжения, как перед ударом молнии. Жрец поднял руки, его мантия развевалась, и новый поток света вырвался из его ладоней – ослепляющий, горячий, полный силы, что могла разорвать камень. Алексей встретил его клинком, сталь столкнулась с магией, и искры полетели во все стороны, как звёзды, падающие в ночи. Зал задрожал, трещины побежали по полу, и он чувствовал, как сила жреца давит на него, но он не отступал – её образ горел в его сердце, её алые глаза, что смотрели на него с верой, её тепло, что он должен был вернуть. Жрец шагнул вперёд, его голос гудел, произнося новые слова заклинания, и свет стал ярче, его лучи резали воздух, но Алексей уклонялся, его движения были быстрыми, точными, как танец смерти. Он ударил в ответ, его клинок вонзился

в мантию жреца, разрывая ткань, и кровь брызнула на пол, её алый цвет смешался с её кровью в чаше под алтарём. Жрец взревел, его маска треснула от удара, и он ударил снова, его магия хлестнула по Алексею, задев его плечо – доспехи задымились, боль пронзила его, но он стиснул зубы, его взгляд был прикован к ней. Она лежала там, её дыхание было слабым, её кровь текла, и он знал – каждая секунда на счету. Он вспоминал их ночи, её мягкий голос, что шептал ему о будущем, её пальцы, что касались его лица, и это давало ему силы. Он рванулся вперёд, его клинок мелькал, сталкиваясь с магией жреца, и каждый удар был как крик его души, что звала её. Искры летели, зал дрожал, и он видел, как жрец пошатнулся, его мантия была в крови, но он не сдавался – его фанатизм был как стена, что стояла между ним и ею. Алексей вызвал «Эфирный взрыв», волна силы рванулась вперёд, сметая стражей, что пытались окружить его, и ударила жреца, заставив его отступить. Свет заклęcia погас, жрец упал на колено, но тут же поднялся, его глаза горели под треснувшей маской. Алексей шагнул к алтарю, его клинок был готов, и он знал – это был бой не просто за её жизнь, но за их будущее, за всё, что они построили вместе. Его сталь против магии жреца была их последним испытанием, и он не проиграет.

В разгар боя её глаза открылись, и слабый шёпот сорвался с её губ: «Алексей...» – её голос был как тонкая нить, что пробилась сквозь шум битвы, и он услышал её, его сердце забилося быстрее, как будто она вдохнула в него новую жизнь. Он обернулся, его взгляд встретил её алые глаза, полные боли, но всё ещё сияющие той верой, что всегда вела его вперёд. Она лежала на алтаре, её тело дрожало, цепи впивались в её кожу, но она смотрела на него, и этот взгляд был как маяк в темноте, что окружала его. «Ты пришёл», – прошептала она, её голос был слаб, но в нём была сила, что он знал так хорошо, и это дало ему надежду. Жрец ударил снова, его свет хлестнул по полу, но Алексей уклонился, его «Эфирный клинок» вспыхнул, и он бросился к ней, его движения были быстрее, чем когда-либо. Стражи ордена окружили его, их копья звенели, но он сражался, его клинок пел, разрубая их, и каждый удар был для неё, каждый шаг – ближе к её голосу. «Держись», – крикнул он, и его голос эхом отразился от стен, заглушая заклинания жреца. Она шевельнулась, её пальцы сжались, цепи звякнули, и она сказала: «Я верю в тебя», – её слова были как искра, что разожгла огонь в его душе. Он вспоминал её – её силу в бою, её тепло в ночи, её крик, когда её увели, и теперь она звала его, её голос был его компасом в этом хаосе. Жрец рывкнул, его магия ударила снова, но Алексей встретил её «Эфирным барьером», свет отразился, и он шагнул к алтарю, его клинок вонзился в одного из стражей, тот рухнул, хрипя. Её голос звучал в его ушах, её тепло дрожало в его «Сверхчувстве», и он знал – она жива, она борется, и он должен её спасти. Он ударил по цепям, искры полетели, металл затрещал, и он видел, как её глаза следили за ним, её вера в него была как щит, что защищал его от боли. Жрец бросился к ней, его кинжал метил в её сердце, но Алексей прыгнул, его клинок отбил лезвие, и звон металла эхом ушёл в своды. «Ты не тронешь её!» – крикнул он, и его голос был полон ярости и любви, что горели в нём. Её голос был его силой, её зов – его путём, и он сражался, чтобы вернуть её, чтобы услышать её смех снова.

Алексей наконец добрался до алтаря, его руки дрожали, когда он рвал цепи, что сковывали её, их металл был холодным, но магия ордена всё ещё держала их. Он вызвал «Сверхрегенерацию», его ладони засветились мягким голубым сиянием, и он приложил их к её запястьям, где кровь текла из глубоких порезов. Её кожа начала затягиваться, раны медленно закрывались, и она вздохнула глубже, её грудь поднялась, как будто жизнь возвращалась к ней с каждым его касанием. Он смотрел на неё, его сердце колотилось, и он шептал: «Ты со мной, держись», – его голос дрожал от облегчения, но и от страха, что он мог опоздать. Её глаза открылись шире, её алые зрачки нашли его, и она слабо улыбнулась, её пальцы шевельнулись, касаясь его руки. «Ты успел», – прошептала она, и её голос был как музыка, что разогнала тьму в его душе. Он рвал цепи, его клинок бил по ним, искры летели, и наконец они поддались, с лязгом падая на

пол. Он подхватил её, прижимая к себе, её тело было холодным, но живым, и он чувствовал, как её тепло возвращается под его руками. Жрец рявкнул, его магия ударила снова, но Алексей закрыл её собой, его «Эфирный барьер» отразил свет, и зал задрожал от силы их столкновения. Он вспоминал её – её отвагу, когда она закрыла его собой в бою, её тепло, что обнимало его в ночи, и теперь он был её щитом, её спасением. Её дыхание стало ровнее, её раны затянулись, и она сказала: «Я знала, что ты придёшь», – её слова были как бальзам на его душу. Он держал её, его руки дрожали, и он видел, как кровь перестала течь в чашу, как руны на алтаре погасли. Стражи бросились к нему, их копья метили в спину, но он крутнулся, его клинок рассёк воздух, и они упали, их крики заглохли в тишине. Он смотрел на неё, её лицо было бледным, но живым, и он знал – она выживет, она с ним, и это было всё, что имело значение. Его «Сверхрегенерация» исцеляла её, её тепло возвращалось, и он шептал: «Я не отдам тебя», – его любовь была его силой, его волей, что вернула её к жизни.

Алексей встал, его «Эфирный клинок» был готов, и он повернулся к жрецу, что стоял у алтаря, его мантия была в крови, а маска треснула, открывая его лицо – искажённое, полное ненависти и безумия. Жрец поднял руки, его голос гудел, призывая новую волну магии, но Алексей не дал ему шанса – он бросился вперёд, его клинок вспыхнул, и он ударил, его лезвие вонзилось в грудь жреца, пробивая мантию и плоть. Кровь хлынула на пол, её алый цвет смешался с кровью демоницы, что уже высохла на алтаре, и жрец взревел, его свет погас, его тело задрожало. Алексей выдернул клинок, и жрец упал на колени, его маска раскололась пополам, падая с глухим стуком, и он посмотрел на Алексея, его глаза были полны ужаса и неверия. «Ты... не остановишь нас», – прохрипел он, но Алексей ударил снова, его клинок вонзился в горло жреца, и тот рухнул, его тело задымилось, как будто магия выгорела из него. Зал затих, только эхо его шагов разносилось по камням, и он стоял над телом жреца, его грудь вздымалась, пот стекал по лицу, но он победил. Он вспоминал её крик, когда её увели, её тепло, что он чуть не потерял, и теперь её враг лежал мёртв у его ног. «Сердце бездны» дрожало рядом, его алый свет пульсировал на полу, и он знал – бой не окончен, но жрец был повержен, его угроза ушла. Он обернулся к ней, она смотрела на него с алтаря, её глаза блестели благодарностью, и она прошептала: «Ты сделал это». Он шагнул к ней, его клинок опустился, и он чувствовал, как её тепло зовёт его, её жизнь была спасена. Стражи лежали вокруг, их тела остывали, и он знал – это была его победа, их победа, их общая сила, что сломила тьму ордена. Жрец был мёртв, его конец был их началом, и он смотрел на неё, его любовь была его триумфом.

Алексей подошёл к ней, его руки дрожали, когда он развязывал последние цепи, что держали её на алтаре, их металл был холодным, но её тепло уже возвращалось, её кожа больше не была ледяной. Она упала в его объятия, её тело было слабым, но живым, и слёзы потекли по её щекам, оставляя влажные дорожки на её бледном лице. «Ты пришёл», – прошептала она, её голос дрожал, и он прижал её к себе, его руки обняли её так сильно, что он чувствовал её сердце, бьющееся в унисон с его. Он поцеловал её лоб, его губы коснулись её кожи, и он шептал: «Я всегда приду за тобой», – его голос был полон боли и облегчения, что она жива, что она с ним. Её слёзы капали на его доспехи, их тепло смешивалось с холодом зала, и она обняла его, её пальцы вцепились в его плечи, как будто она боялась, что он исчезнет. Он вспоминал её – её смех, её силу, её любовь, что вела его через горы, и теперь она была в его руках, свободная, живая. Зал вокруг них молчал, только их дыхание нарушало тишину, и он смотрел в её глаза, её алые зрачки блестели, как звёзды в ночи. «Я думал, что потерял тебя», – сказал он, его голос сломался, и она улыбнулась, её слёзы были слёзами свободы, слёзами счастья. Она прижалась к нему, её тепло вернулось, и она сказала: «Ты моя жизнь», – её слова были как клятва, что связывала их сильнее любых цепей. Он держал её, его грудь вздымалась, и он чувствовал, как её сила возвращается, как её дух оживает в его объятиях. Они победили – жрец был мёртв, её

кровь больше не текла, и они были вместе, их любовь сияла ярче, чем свет «Сердца бездны». Он гладил её волосы, её слёзы высыхали, и он знал – это был их момент, их победа, их свобода, что они вырвали из лап ордена.

Они стояли вместе, её рука сжимала его, но вдруг «Сердце бездны», что лежало на полу рядом с телом жреца, начало гудеть – низкий, глубокий звук, что проникал в кости, заставляя зал дрожать. Его алый свет усилился, пульсируя, как живое сердце, и Алексей обернулся, его взгляд упал на кристалл, что казался живым, полным силы, что не угасла даже после смерти жреца. Зал затрясся, камни посыпались с потолка, пыль поднялась в воздух, и он почувствовал, как холод пробежал по его спине – бой не был окончен, угроза всё ещё жила. Демоница сжала его руку сильнее, её голос дрожал: «Оно живое», – и он видел страх в её глазах, но и решимость, что горела в них, как огонь. Он вспоминал слова «Высшего разума» – «Сломайте его силой двоих», – и он знал, что это их последний шаг, их последнее испытание. «Сердце» гудело громче, его свет заливал зал, и он чувствовал, как его сила тянет к нему, как будто оно звало их, манило своей мощью. Он шагнул к нему, его «Эфирный клинок» был готов, но демоница остановила его, её рука легла на его грудь. «Вместе», – сказала она, и её голос был твёрд, несмотря на слабость её тела. Они посмотрели друг на друга, их взгляды сплелись, и он кивнул – их любовь была их силой, их единством, что могло сломить эту тьму. Зал рушился вокруг, трещины побежали по стенам, но они стояли перед «Сердцем», их руки сжались, и он знал – они должны уничтожить его, или оно уничтожит их. Гул становился невыносимым, свет ослеплял, но он смотрел на неё, её тепло было его якорем, и он сказал: «Мы сделаем это», – его голос был полон веры в неё, в них. Они шагнули вперёд, их судьба ждала их, и они были готовы – их любовь была их оружием против этой тревожной силы, что грозила поглотить всё.

Глава 15: Разрушение бездны

Алексей и демоница стояли в центре зала цитадели, их шаги эхом отдавались от чёрных стен, что дрожали под натиском силы «Сердца бездны». Кристалл лежал перед ними, его алый свет пульсировал, как живое сердце, отбрасывая тени, что плясали на камнях, словно призраки, готовые наброситься. Зал был в руинах – потолок трещал, куски обсидиана падали с гулким стуком, пыль поднималась в воздух, смешиваясь с запахом крови и металла, что остался после боя с жрецом. Алексей сжимал её руку, её пальцы были холодными, но живыми, и он чувствовал её тепло, что возвращалось после исцеления. Её чёрные волосы падали на лицо, её алые глаза блестели решимостью, несмотря на слабость, что ещё цеплялась за её тело. «Сейчас или никогда», – сказала она, её голос был твёрд, как сталь, и он кивнул, его взгляд упал на «Сердце», что гудело, наполняя зал тревожным звуком, от которого волосы вставали дыбом. Он вспоминал её на алтаре, её кровь, что текла в чашу, её слабый шёпот, что звал его, и теперь они стояли здесь, вместе, готовые положить конец этой угрозе. Тени вокруг них шевелились, как живые, их формы изгибались, протягивая когти к свету «Сердца», и он чувствовал, как его сила тянет к нему, манит, обещая мощь и хаос. «Высший разум» шептал в его голове: «Сломайте его силой двоих», – и он знал, что это их последний бой, их последнее испытание. Демоница шагнула ближе, её копьё дрожало в её руке, но она держала его крепко, её взгляд был прикован к кристаллу. «Оно не сдастся легко», – сказала она, и он видел страх в её глазах, но и веру – веру в него, в них. Он сжал её руку сильнее, его «Эфирный клинок» сиял в другой руке, и он сказал: «Мы сильнее его». Зал задрожал, трещины побежали по полу, и он чувствовал, как «Сердце» сопротивляется, его свет становился ярче, ослепляя их. Они стояли плечом к плечу, их дыхание смешивалось в холодном воздухе, и он вспоминал их путь – их битвы, их ночи, их клятвы, и теперь всё это вело к этому моменту. Тени сгущались, их когти тянулись к ним, но он смотрел на неё, её тепло было его якорем, и он знал – они сделают это вместе, их любовь была их силой против этой бездны.

Алексей поднял руку, его голос зазвучал в тишине зала, повторяя слова, что «Высший разум» вложил в его голову – древние, тяжёлые слова, что гудели, как колокол, их сила дрожала в воздухе, как натянутая струна. «Сердце бездны» вспыхнуло ярче, его алый свет резал глаза, и он чувствовал, как его мощь сопротивляется, как будто оно знало, что его конец близок. Демоница присоединилась к нему, её голос вплёлся в его, их слова сливались в единый поток, что гремел в зале, заглушая гул кристалла. Её копьё сияло тёмным светом, её «Свет теней» дрожал, готовый ударить, и он видел, как её грудь вздымалась, её силы возвращались с каждым слогом. Зал задрожал сильнее, камни падали с потолка, пыль клубилась вокруг, но они стояли твёрдо, их голоса были как буря, что рвала тьму. Он вспоминал её – её силу в бою, её тепло в ночи, её крик, когда её увели, и теперь она была рядом, её голос был его опорой, её вера – его щитом. «Сердце» сопротивлялось, его свет становился ослепляющим, и он чувствовал, как его сила тянет к нему, как будто оно пыталось поглотить их, но он не отступал. Слова заклатья лились из его уст, их ритм был как биение их сердец, и он видел, как её глаза блестели, её решимость горела ярче, чем свет кристалла. Тени вокруг них взвыли, их когти метили в них, но заклатье отбрасывало их, свет и тьма сплетались в их голосах, создавая силу, что могла сломить эту бездну. Он сжал её руку, их пальцы переплелись, и он чувствовал её тепло, её пульс, что бился в унисон с его. «Мы сильнее», – крикнул он, и его голос эхом отразился от стен, заглушая вой теней. Она кивнула, её голос стал громче, и он видел, как её «Свет теней» усиливался, его сияние смешивалось с его «Эфирным клинком». Зал рушился, трещины раскалывали пол, но они стояли, их заклатье было их оружием, их единством, что противостояло хаосу. «Сердце»

дрожало, его гул становился выше, и он знал – они близко, их сила ломала его, шаг за шагом. Они смотрели друг на друга, их взгляды сплелись, и он чувствовал её любовь, её мощь, что текла через него, и он знал – это их момент, их победа, что рождалась в этом заклятье.

Демоница шагнула вперёд, её рука дрожала, когда она вытащила кинжал из ножен на поясе, его лезвие блеснуло в свете «Сердца». Она посмотрела на Алексея, её глаза были полны решимости, и она сказала: «Моя жизнь – для нас», – её голос был тих, но твёрд, как камень. Он крикнул: «Нет!» – его сердце сжалось, его рука рванулась к ней, но она уже резанула ладонь, её кровь хлынула на «Сердце», алые капли шипели, касаясь кристалла. Её лицо побледнело, её тело пошатнулось, но она держалась, её взгляд был прикован к нему, и она улыбнулась – слабой, но искренней улыбкой, что разорвала его душу. «Это нужно», – прошептала она, и он видел, как её кровь впитывалась в «Сердце», его свет становился хаотичным, дрожащим, как будто её жертва ломала его изнутри. Он бросился к ней, его руки обняли её, и он кричал: «Ты не должна!», – его голос дрожал от страха и боли, но она сжала его руку, её пальцы были холодными, но живыми. «Вместе», – сказала она, и он видел, как её силы уходят, как её дыхание становится слабее, но её вера в него оставалась непоколебимой. Он вспоминал её – её отвагу, когда она закрыла его собой, её тепло, что обнимало его, и теперь она отдавала себя, чтобы сломить эту тьму. «Сердце» взвыло, его гул стал невыносимым, и он чувствовал, как его сила сопротивляется, но её кровь была как яд, что разъедал его. Тени вокруг них рвались вперёд, их когти метили в неё, но он закрыл её собой, его «Эфирный барьер» вспыхнул, отбрасывая их. Её кровь текла на пол, её тело ослабло, и она упала в его объятия, её голова легла на его плечо. «Я верю в тебя», – прошептала она, и её слова были как нож, что резал его сердце, но и как огонь, что гнал его вперёд. Он держал её, его слёзы капали на её лицо, и он знал – её дар был их шансом, их надеждой, что ломала «Сердце». Зал дрожал, камни падали, но он смотрел на неё, её тепло угасало, и он кричал: «Я не потеряю тебя!» – его любовь была его силой, его волей, что должна была завершить этот ритуал.

«Сердце бездны» сопротивлялось, его свет стал острым, как лезвия, что резали воздух, метая в них, и Алексей встал перед ней, его «Эфирный клинок» вспыхнул, отражая удары. Лучи света хлестали по залу, оставляя трещины на стенах, и он чувствовал, как их жар обжигает его кожу, но он не отступал. Демоница лежала в его руках, её кровь всё ещё капала на «Сердце», и он видел, как его поверхность трескается, как её жертва ломает его силу. Он ударил клинком, его лезвие вонзилось в кристалл, и искры полетели, как звёзды в ночи, но «Сердце» ответило, его свет ударил в него, отбрасывая назад. Он упал на колени, его грудь вздымалась, но он поднялся, его взгляд был прикован к ней. Она открыла глаза, её голос был слаб: «Бей», – и он рванулся вперёд, его клинок пел, сталкиваясь с светом «Сердца». Она подняла руку, её «Свет теней» вспыхнул, его тёмное сияние смешалось с его силой, и они били вместе, их удары были как молнии, что рвали кристалл. Тени вокруг них выли, их когти метили в них, но он сражался, его тело дрожало от боли, его любовь была его щитом. «Сердце» трещало, его свет становился хаотичным, и он чувствовал, как его сила слабеет, но оно всё ещё боролось, его лучи резали его доспехи, оставляя кровь на его плечах. Он вспоминал её – её танец в бою, её тепло в ночи, её жертву, что дала им шанс, и это гнало его вперёд. Они били снова, их силы сплелись, свет и тьма танцевали в их ударах, и он кричал: «Ты падёшь!» – его голос эхом отражался от стен. «Сердце» треснуло сильнее, его гул стал криком, и он знал – они близко, их битва света ломала его, их единство было их победой. Зал рушился, камни падали, но он смотрел на неё, её глаза блестели, и он знал – они сделают это, их любовь была сильнее этой бездны.

Алексей вызвал «Эфирный взрыв», его сила рванулась вперёд, волна голубого света ударила в «Сердце», и оно затрещало, его поверхность раскололась, как стекло под молотом. Демо-

ница влила последние силы, её «Свет теней» хлынул в кристалл, его тёмное сияние смешалось с его мощью, и они ударили вместе, их энергия сплелась в единый поток, что разорвал «Сердце» изнутри. Зал взорвался светом, ослепляющим и оглушающим, и он закрыл её собой, его тело приняло удар, его доспехи затрещали, но он держал её, его руки сжимали её, как будто она была его жизнью. «Сердце» закричало, его гул стал агонией, и он видел, как его свет гаснет, как трещины расходятся по всему кристаллу, пока он не раскололся пополам, его сила вырвалась наружу, сметая тени, что были вокруг. Взрыв сотряс зал, стены рухнули, пыль поднялась в воздух, и они упали, их тела ударились о пол, но он держал её, его дыхание было тяжёлым, его грудь болела, но он знал – они сделали это. Он вспоминал её – её голос, что звал его, её тепло, что обнимало его, её жертву, что дала им этот шанс, и теперь «Сердце» было мертво, его угроза ушла. Тени исчезли, их вой затих, и он смотрел на неё, её глаза были закрыты, её дыхание было слабым, но живым. Он прижал её к себе, его слёзы капали на её лицо, и он шептал: «Мы победили», – его голос дрожал от облегчения. Зал рушился вокруг, камни падали, но он держал её, их любовь была их щитом, их силой, что сломила эту бездну. Взрыв утих, свет погас, и он знал – это был их решающий момент, их триумф, что родился из их единства.

Пыль оседала в разрушенном зале, её серые облака клубились вокруг, оседая на их доспехи, на их лица, и Алексей прижимал демоницу к себе, его руки дрожали, но он чувствовал её тепло, её дыхание, что смешивалось с его. «Сердце бездно» лежало в осколках, его свет угас, его гул затих, и тишина опустилась на руины, как покрывало, что укрыло их победу. Зал был мёртв – стены обрушились, потолок треснул, камни лежали вокруг, как могилы их врагов, и он смотрел на неё, её чёрные волосы падали на её лицо, её кожа была бледной, но живой. Он гладил её щеку, его пальцы дрожали, и он шептал: «Ты со мной», – его голос был полон боли и облегчения, что она жива, что они выстояли. Она открыла глаза, её алые зрачки нашли его, и она слабо улыбнулась, её рука легла на его грудь, её тепло вернулось, как свет в ночи. «Мы сделали это», – прошептала она, и её голос был слаб, но в нём была сила, что он знал так хорошо. Он вспоминал её – её крик на алтаре, её кровь, что текла ради них, её веру, что вела его, и теперь они лежали среди руин, их победа была их жизнью. Пыль оседала, камни затихли, и он чувствовал, как её сердце бьётся, как её дыхание становится ровнее. Он прижал её сильнее, его слёзы капали на её волосы, и он знал – они выжили, они сломили «Сердце», и их любовь была их спасением. Руины вокруг молчали, их тени исчезли, и он смотрел на неё, её тепло было его миром, его надеждой, что родилась из этой пыли.

Тишина окутала их, её мягкое дыхание было единственным звуком в разрушенном зале, и Алексей смотрел на неё, её глаза открылись, её алые зрачки блестели, как звёзды, что пробивались сквозь тьму. Их сердца бились слабо, но в унисон, их ритм был как музыка, что звучала только для них, и он чувствовал, как её тепло возвращается, как её жизнь крепнет в его руках. «Мы сделали это», – шептал он, его голос дрожал от облегчения, от счастья, что она жива, что они вместе. Она улыбнулась, её рука сжала его, и она сказала: «Ты спас меня», – её слова были как свет, что разогнал последние тени в его душе. Он вспоминал её – её силу, её жертву, её любовь, что вела его через горы, через бой, и теперь они лежали здесь, их победа была их жизнью. Пыль осела, камни затихли, и он гладил её волосы, её тепло было его якорем, его миром, что он чуть не потерял. «Я не мог тебя потерять», – сказал он, и его голос сломался, его слёзы капали на её лицо, но она улыбалась, её вера в него сияла в её глазах. Тишина была их наградой, их моментом, что родился из хаоса, и он знал – они выстояли, их любовь была сильнее бездны. Он прижал её к себе, их дыхание смешалось, и он чувствовал, как её силы возвращаются, как её дух оживает в его объятиях. Они лежали среди руин, их тела были ранены, но их души были сильны, и он смотрел на неё, её тепло было его жизнью, его триумфом, что родился в этой тишине.

Она подняла голову, её глаза встретили его, и она улыбнулась, её рука коснулась его лица, её пальцы были холодными, но живыми. «Мы всегда будем вместе», – сказала она, её голос был слаб, но в нём была сила, что он знал так хорошо, и он кивнул, его сердце забилось быстрее, как будто её слова вдохнули в него новую жизнь. «Всегда», – шепнул он, и их взгляды сплелись, их любовь была как нить, что связывала их через все битвы, через всю тьму. Он вспоминал её – её смех в тронном зале, её тепло в ночи, её жертву, что сломила «Сердце», и теперь они лежали здесь, их клятва была их будущим. Зал был мёртв, его руины молчали, но он чувствовал её тепло, её пульс, что бился в унисон с его, и он знал – это их вечность, их победа, что родилась из их единства. Она прижалась к нему, её дыхание согревало его кожу, и она сказала: «Ты мой свет», – её слова были как огонь, что грел его душу. Он гладил её волосы, его слёзы высыхали, и он шептал: «А ты моя», – его голос был полон веры, полон любви, что была сильнее всего. Они лежали среди руин, их тела были ранены, но их дух был нерушим, и он знал – это их обещание, их клятва, что будет жить вечно. Тишина вокруг была их свидетелем, их любовь была их силой, и он смотрел на неё, её тепло было его миром, его вечностью, что родилась в этот момент.

Они медленно встали, поддерживая друг друга, их шаги были медленными, но твёрдыми, и свет выхода манил их, пробиваясь сквозь трещины в стенах, его слабые лучи озаряли пыль, что оседала вокруг. Алексей держал её, его рука обнимала её талию, её тело опиралось на него, но она шла, её копьё звякало о камни, её «Свет теней» сиял слабо, но гордо. «Мы идём домой», – сказал он, его голос был твёрд, несмотря на боль, что пронзала его тело, и она кивнула, её глаза блестели, её тепло возвращалось с каждым шагом. Он вспоминал их путь – их битвы, их ночи, их клятвы, и теперь они шли к свету, их победа была их жизнью, их будущим. Руины остались позади, их тени исчезли, и он чувствовал, как её силы крепнут, как её дух оживает рядом с ним. Свет становился ярче, его тепло касалось их лиц, и он знал – они выстояли, их любовь была их компасом, что вёл их из этой бездны. Они шагали вместе, их дыхание было тяжёлым, но живым, и он смотрел на неё, её тепло было его миром, его надеждой, что вела их к свету. Зал рухнул за их спиной, его камни похоронили «Сердце», и они шли вперёд, их тела были ранены, но их души были сильны, их связь была нерушима.

Глава 16: Дорога домой

Пыль ещё клубилась в воздухе, оседая на их доспехи, когда Алексей и демоница шагнули прочь от руин цитадели. Солнце поднималось над горизонтом, его первые лучи пробивались сквозь серую пелену, освещая их израненные фигуры. Каждый шаг отдавался глухим стуком сапог по растрескавшейся земле, каждый звук сопровождался лёгким звоном их брони, покрытой свежими шрамами от когтей, стали и магии. Алексей поддерживал её за талию, чувствуя, как её тело дрожит от усталости, но её шаги оставались твёрдыми, будто сама воля держала её на ногах. Её чёрные волосы, слипшиеся от пота и крови, касались его щеки, а её запах – смесь дыма, металла и её дикой, необузданной силы – наполнял его лёгкие.

Он взглянул на неё, поймав отблеск её алых глаз, всё ещё горящих решимостью, несмотря на бледность её лица. "Ты держись?" – спросил он, его голос был хриплым, как шорох гравия, но в нём сквозила забота, которую он редко показывал другим. Она кивнула, её губы сжались в тонкую линию, но уголок рта дрогнул в слабой улыбке. "С тобой рядом – всегда," – ответила она, и её слова упали в его душу, как угли в холодную ночь. Их путь домой был долгим, равнина простиралась перед ними, усеянная обломками их победы, но в их сердцах сияла надежда – они выстояли, они сломили «Сердце бездны», и теперь их ждал дом.

Крепость выросла перед ними, её чёрные шпили вонзались в утреннее небо, как клыки зверя, охраняющего свои владения. Когда они приблизились, массивные ворота дрогнули и с гулким скрипом распахнулись, открывая двор, полный их воинов. Генералы – костяной бык, минотавр, тенекрыл – стояли впереди, их силуэты выделялись на фоне каменных стен. Увидев своих владык, они взревели, их голоса слились в мощный хор, что эхом разнёсся над равниной. Алексей выпрямился, его рука всё ещё лежала на талии демоницы, и он поднял другую в знак триумфа, его когти блеснули в солнечном свете.

Тенекрыл расправил крылья, их чёрные перья затрепетали, и крикнул: "Они вернулись! Смерть бездне!" Минотавр ударил топором о землю, высекая искры, а костяной бык протрубил так, что камни под ногами задрожали. Демоница шагнула вперёд, её плащ, изорванный и покрытый сажей, развевался за спиной. Она слабо улыбнулась, её усталость отступила перед гордостью, что отражалась в глазах их воинов. "Мы принесли победу," – сказала она, её голос был тихим, но твёрдым, как удар клинка. Алексей посмотрел на неё, чувствуя, как тепло разливается в его груди. Это был их дом, их империя, и они вернулись как герои, выкованные в огне битвы.

Не успели они переступить порог ворот, как из глубины двора раздался тяжёлый топот. Костяной бык, их верный генерал, рванулся к ним, его массивное тело сотрясало землю, а рога, белые и острые, как лунный свет, блестели в лучах солнца. Он остановился в шаге от них, его горячее дыхание вырвалось клубами пара, и он издал низкий, протяжный звук – приветствие, полное радости и силы. Алексей протянул руку и хлопнул его по костяному боку, ощущая под пальцами твёрдость брони, выкованной природой и магией. "Хороший старик," – пробормотал он, и в его голосе мелькнула редкая теплота.

Демоница шагнула ближе, её рука легла на морду быка, её когти мягко скользнули по его шершавой поверхности. "Ты держал стены," – сказала она, её тон был мягким, почти ласковым, и бык наклонил голову, принимая её похвалу. Их связь с этими существами, их армией, была глубже слов – это была верность, высеченная в крови и костях. Алексей взглянул на неё, на её изящную фигуру рядом с громадой быка, и почувствовал, как гордость смешивается с чем-

то более глубоким. Они не просто выжили – они вернулись к тем, кто сражался за них, и эта встреча была их первым шагом к восстановлению.

Двор преобразился за считанные часы. Минотавр, рыча от нетерпения, притащил бочки вина, их деревянные стенки скрипели под его хваткой, а воины подтаскивали длинные столы, заставляя их жареным мясом, хлебом и плодами с равнин. Запах еды смешался с дымом костров, что уже пылали в центре, бросая отблески на каменные стены. Алексей и демоница заняли места во главе, их тронные стулья – массивные, вырезанные из кости и обсидиана – возвышались над остальными. Воины подняли кубки, их голоса загудели в едином тосте: "За владык! За победу над бездной!"

Алексей кивнул, его взгляд скользнул по лицам – израненным, но сияющим от радости. Он поднял свой кубок, вино в нём было тёмным, как кровь их врагов, и произнёс: "За наш дом. За вас." Его голос гудел, как далёкий гром, и воины ответили рёвом, от которого задрожали стены. Демоница сидела рядом, её рука под столом нашла его ладонь, её тёплые пальцы сжали его с лёгкой силой. Он повернулся к ней, встретив её взгляд, полный тихой нежности, и почувствовал, как напряжение битвы отступает. Они ели, пили, смеялись вместе с их армией, и в этот миг их победа стала общей – пир был их наградой, их единством, вырванным у хаоса.

Ночь опустилась на крепость, звёзды зажглись над равниной, их холодный свет смягчался теплом факелов, что горели на площади. Воины расступились, кто-то ударил в барабан, кто-то подхватил мелодию на костяной флейте, и воздух ожил звуками, грубыми, но живыми. Алексей встал, протянув руку демонице. "Потанцуешь со мной?" – спросил он, его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, но в нём мелькнула искренняя просьба. Она подняла бровь, её губы изогнулись в насмешливой улыбке, но она вложила свою ладонь в его, её когти слегка царапнули его кожу.

Они вышли на середину площади, её плащ заколыхался за спиной, открывая изящные изгибы её брони. Музыка ускорилась, и они начали двигаться – медленно, но уверенно, их шаги сливались с ритмом. Он вёл её, его рука лежала на её талии, её пальцы сжимали его плечо. Она засмеялась, её голос зазвенел, как звон стекла, и этот звук заставил его сердце биться быстрее. "Ты неуклюж, как бык," – поддразнила она, но её глаза сияли теплом. Он усмехнулся: "А ты танцуешь, как ветер." Они кружились, их тени плясали на камнях, и в этот момент война отступила, оставив только их – двоих, нашедших покой в объятиях друг друга под взглядом луны.

Музыка затихла, воины разошлись к кострам, но тишина длилась недолго. Из теней у стены выскользнул хамелеон-ловкач, его чешуя переливалась в полумраке, глаза блестели тревогой. Он скользнул к Алексею, его голос был резким, как треск веток: "Дым на севере, владыка. Густой, чёрный. Они идут." Алексей нахмурился, его рука инстинктивно сжала рукоять меча, висящего у пояса. Демоница напряглась рядом, её улыбка исчезла, сменившись холодной решимостью. "Кто?" – спросила она, её тон был острым, как лезвие её копья.

Хамелеон склонил голову, его язык мелькнул в воздухе. "Не знаю. Но их много. Костры горят за холмами." Алексей выдохнул, пар от его дыхания поднялся в ночной воздух. Он посмотрел на демоницу, её алые глаза встретили его, и в них мелькнула тень беспокойства. "Покой никогда не длится долго," – сказал он, его голос был мрачен, но твёрд. Она сжала его ладонь, её когти впились в его кожу, но это было знаком поддержки. "Мы встретим их," – ответила она, и её слова упали, как клятва. Новая угроза маячила на горизонте, но они были готовы – их триумф ещё свеж, их воля не сломлена.

Они собрались у главного костра, пламя бросало отблески на их лица, высекая резкие тени на камнях. Алексей опустился на одно колено, его коготь чертил линии на земле, рисуя грубую карту северных рубежей. "Если они идут с севера, то через перевал," – сказал он, его

голос был как удар молота, уверенный и властный. Демоница стояла рядом, её копьё упёрлось в землю, и она добавила: "Укрепим башни там. Ловушки на тропах. Пусть заплатят за каждый шаг." Её тон был холоден, но в нём звенела сталь, и генералы – бык, минотавр, тенекрыл – кивнули, их глаза загорелись предвкушением.

Костяной бык стукнул копытом, высекая искры. "Я поведу отряд к перевалу," – прогудел он, его голос был как раскат грома. Минотавр точил топор, лезвие скрипело о камень. "Стены выдержат," – добавил он, его взгляд был твёрд. Алексей кивнул, его разум уже просчитывал шаги врага. "Тенекрыл, разведка с воздуха. Нам нужно знать их число." Крылатый зверь расправил крылья, готовый сорваться в ночь. Демоница посмотрела на Алексея, её рука легла на его плечо, и в её взгляде была непоколебимая вера. Они строили план, их голоса звучали в ночи, и каждый приказ был звеном в цепи их защиты. Их империя не падёт – не теперь, когда они только что вырвали её из лап бездны.

Когда совет закончился, они поднялись в свои покои, скрытые в сердце крепости. Каменные стены окружали их, холодные и молчаливые, но огонь в камине трещал, бросая мягкий свет на их лица. Алексей сбросил доспехи, их звон эхом отозвался в комнате, и сел у огня, его грудь вздымалась от усталости. Демоница подошла к нему, её шаги были бесшумны, как у кошки, и она опустилась рядом, её голова легла на его плечо. Её волосы пахли дымом и её дикой силой, и он вдохнул этот аромат, чувствуя, как напряжение дня уходит.

"Мы выдержим всё," – прошептала она, её голос был мягким, но в нём была сталь их общей клятвы. Он повернулся к ней, его рука скользнула по её спине, притягивая её ближе, и он коснулся губами её волос. "С тобой – да," – ответил он тихо, его слова были как обещание, выкованное в их прошлом и настоящем. Они сидели так, их дыхание смешивалось с треском огня, и её тепло было светом в ночи, полной тревог. Её пальцы нашли его ладонь, сжав её с лёгкой силой, и он знал: что бы ни пришло с севера, они встретят это вместе, их любовь была их опорой, их щитом.

Рассвет пришёл с холодным ветром, что завывал в щелях стен, но крепость уже ожила. Звон молотов раздавался во дворе, воины укрепляли башни, таскали камни и брёвна, их голоса смешивались с гулом подготовки. Алексей и демоница стояли на северной башне, их плащи трепетали на ветру, а взгляды были устремлены к горизонту. Дым на севере был едва виден, тонкой чёрной нитью в ясном небе, но он нёс с собой обещание новой войны. Алексей сжал рукоять меча, его когти впились в ладонь, и он сказал: "Они не дойдут до стен."

Демоница кивнула, её копьё стояло рядом, прислонённое к парапету, и её голос был как удар хлыста: "Первая кровь будет их." Её глаза встретили его, и в них была смесь гнева и веры – веры в него, в их дом, в их империю. Внизу воины трудились, их движения были слаженными, как танец, что они исполняли прошлой ночью, но теперь это был танец войны. Алексей положил руку на её плечо, чувствуя её тепло через ткань, и они стояли так, глядя на север. Их победа над «Сердцем бездны» была лишь началом, и теперь их ждала новая битва. Но они были готовы – их стойкость, их любовь, их воля были нерушимы, как стены их крепости.

Глава 17: Мертвецы на севере

Ночь в крепости была тёмной и густой, как смола, звёзды скрывались за плотными облаками, а ветер завывал за стенами, словно предчувствуя беду. Алексей сидел у камина в тронном зале, его когтистые пальцы постукивали по подлокотнику трона, вырезанного из кости древнего чудовища. Пламя бросало дрожащие отблески на обсидиановые стены, и в этом мерцающем свете его лицо выглядело суровым, высеченным из камня. Демоница стояла у окна, её силуэт выделялся на фоне чёрного неба, а её чёрные волосы струились по плечам, мягкие и живые, несмотря на усталость, что всё ещё цеплялась к её телу после битвы с «Сердцем бездны». Тишина была тяжёлой, почти осязаемой, пока её не разорвал резкий шорох, донёсшийся из коридора.

Дверь распахнулась с грохотом, и в зал влетел вожак крыс – их шустрый соглядатай, чья серая шерсть была всклокочена, а глаза блестели, как раскалённые угли. Его когти царапнули каменный пол, оставляя мелкие борозды, и он замер перед Алексеем, подняв морду. "Мёртвые идут с севера, владыка!" – пропищал он, его голос был тонким и скрипящим, как ржавый нож, скользящий по металлу. Алексей резко встал, его доспехи звякнули, отражая свет огня, и его взгляд метнулся к демонице. Она обернулась, её алые глаза вспыхнули тревогой, и она шагнула к трону, схватив копьё, прислонённое к стене. Её движения были быстрыми, точными, как у хищника, почуявшего добычу.

"Что ты видел?" – спросила она, её голос был холоден и остр, как лезвие, прорезающее тишину. Крыса склонила голову, её усы дрогнули, словно пробуя воздух на вкус. "Кости поднялись из земли. Их глаза светятся зелёным. Их ведёт человек в чёрном плаще." Алексей стиснул зубы, его разум уже рисовал картины прошлого – битвы с нежитью, что он видел в видениях «Высшего разума», и теперь эта тьма пришла к их порогу. Он шагнул к демонице, его рука легла на её плечо, и он почувствовал холод, что пробирался в зал, словно дыхание смерти. "Некромант," – сказал он тихо, но твёрдо, и её взгляд встретил его, полный гнева и решимости. Они оба знали: их покой снова под угрозой, и этот зов тревоги был началом новой войны.

Алексей закрыл глаза, его дыхание стало глубоким и ровным, и он вызвал «Сверхчувство» – дар «Высшего разума», что позволял ему видеть за пределами стен. Его сознание вырвалось из тела, пронеслось над равниной, словно тень ястреба, парящего в ночи. Цвета меркли, звуки становились острыми, как лезвия, а тепло живых существ светилось в темноте, как угли в пепле. Он устремился на север, туда, где дым поднимался над холмами, и вскоре его взгляд остановился на лесу, скрытом в тенях. Там, среди голых деревьев, стоял человек в чёрном плаще, его фигура казалась вырезанной из мрака. Его руки двигались в странном, ритмичном танце, а вокруг него земля трескалась, выпуская кости, что собирались в скелеты – их пустые глазницы загорались зелёным огнём, их движения были рваными, но полными зловещей силы.

"Высший разум" заговорил в его голове, его голос был холоден и глубок, как бездна: "Некромант. Он собирает армию, чтобы сломить вас. Его сила растёт с каждой минутой." Алексей открыл глаза, возвращаясь в зал, и встретил взгляд демоницы, что стояла перед ним, её копьё сжималось в её руке так, что когти оставляли царапины на древке. "Он в лесу," – сказал он, его голос был мрачен, но в нём звенела сталь. – "Поднимает мёртвых. Их слишком много." Она нахмурилась, её брови сошлись, и она шагнула ближе, её тепло коснулось его в холоде зала. "Мы остановим его," – ответила она, её тон был как удар хлыста, полный вызова.

Он кивнул, его рука сжала её запястье, и он передал ей всё, что видел: тьму леса, зелёные глаза нежити, силуэт некроманта, чья магия была как яд, отравляющий землю. Её лицо

помрачнело, но она не дрогнула. "Если он хочет войны, он её получит," – сказала она, и её слова были как клятва, выкованная в огне их прошлого. Алексей посмотрел на неё, чувствуя, как её решимость подпитывает его собственную, и он знал: они встретят эту тьму вместе, как всегда.

Зал наполнился звуками шагов и рёвом голосов, когда генералы собрались по зову Алексея. Костяной бык ворвался первым, его массивная фигура отбрасывала тень, что закрывала половину зала, его рога блестели в свете факелов. За ним шагал минотавр, его топор лежал на плече, а глаза горели жадной боя. Тенекрыл скользнул из теней, его крылья сложились за спиной, и он молчал, но его присутствие было как острие кинжала. Алексей стоял у трона, его руки были сложены за спиной, а взгляд скользил по каждому из собравшихся. Демоница шагнула вперёд, её копьё звякнуло о пол, и она заговорила: "Нежить идёт с севера. Мы держим стены."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.